

Речна Трѣз

**КОНФЕТКИ,
БАРАНОЧКИ...**

Вирази Времени

Регина Грѐз

Конфетки, бараночки...

«Автор»

2023

Грѐз Р.

Конфетки, бараночки... / Р. Грѐз — «Автор», 2023 — (Выражи
Времени)

Разбирая вещи в старом доме, Алёна загадочным образом попадает в Россию XIX века, а солидная сумма на банковской карте превращается в царские монеты и ассигнации. С такими деньжищами можно весело провести время в торговом городе, прослыть выгодной невестой, завести кавалеров из любого сословия и открыть свое производство (дом народных промыслов, фабрика фарфора, швейный цех?). Или стать щедрым меценатом, взять под крыло сиротский приют, поддержать талантливых студентов.

Содержание

Глава 1. Семейные тайны	5
Глава 2. Дедова избушка	8
Глава 3. Ольга Карповна Ляпунова	11
Глава 4. Сваха	15
Глава 5. Званный ужин	19
Глава 6. За покупками и в трактир	24
Глава 7. Первые кавалеры	29
Глава 8. Непростая задача	32
Глава 9. Зарубин	37
Глава 10. У самовара	41
Глава 11. Поиски дома	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Регина Грѐз

Конфетки, бараночки...

Глава 1. Семейные тайны

Рассказ Алены

Честно сказать, не ожидала, что баба Шура оставит ожогинскую усадьбу мне одной. А уж как мама была разочарована, прочитав завещание. Расстроилась, обиделась, аккуратно всплакнула, чтобы не размазать на глазах краску.

Маме моей немного за шестьдесят, но еще молодится, потому что есть интересный, состоятельный любовник, который даже иногда замуж зовет. Я его прекрасно понимаю, он старше лет на пять, здоровье подводит, нужна в доме помощница-сиделка. У мамы как раз медицинское образование.

Наверно, мама хотела бабушкин домик преподнести в будущий семейный бюджет, как приданое, а теперь придется со мной договариваться. Ничего, свои люди – сочтемся.

Мама начинает первой:

– Алѐн, ну, скажи, почему она так поступила?

Терпеливо объясняю:

– Что ж тут непонятного? Именно я ухаживала за бабулей, когда она слегла.

– Но я тоже помогала финансово, – спорит мамочка. – Вы ни в чем не нуждались.

– Помню-помню. И предлагаю бабушкин дом продать, а деньги разделить между нами поровну. Все равно не захотим из города перебираться в поселок. Как считаешь?

– Разумное решение, – мама заметно приободрилась. – Других родственников у нас нет. А так буду спокойна, что тебя никто не обманет.

Она многозначительно подмигивает, достает пудреницу с зеркальцем и отходит к окну, чтобы поправить макияж. Я наблюдаю за ней с улыбкой. Мама симпатичная, всегда умела за собой следить. Волосы красит и завивает, недавно сделала татуаж бровей, прошла курс иглоукалывания для повышения стройности и уменьшения аппетита. Посещает спортзал. Одним словом – современная знойная женщина. Мечта престарелых бизнесменов (смеюсь!)

Словно угадав мои мысли, мама вздыхает:

– Алѐн, ты уж меня прости, но я чего только не передумала за день, боялась, что возьмешь все деньги, укачишь на юг, найдешь горячего кавалера, он тебя обворует и бросит.

– Успокойся, мам! В тридцать лет сложно быть наивной дурухой. Кофе будешь?

– Кофе мне нельзя, ты же знаешь, я от него часто бегаю кое-куда... А когда планируешь разместить на сайте объявление о продаже?

– Уже обзвонила коллег, которые занимаются загородной недвижимостью. Надо скорее решать с домом. Соседка сказала, опять пытались воришки залезть. Кладоискатели чокнутые!

– Слухи живучи, – заметила мама, и я задала самый болезненный вопрос:

– А ты уверена, что дедушка не вернется?

У мамы руки опустились на колени, плечи ссутулились.

– Ох, милая, у меня тоже сердце болит. Старый колдун всегда был на выдумки горазд. Вылезет из реки и потребует свою долю. Может, сменим фамилии, чтобы не нашел, а? Как считаешь, поможет?

– Колдун! – язвительно усмехнулась я. – И ты в эти сказки веришь? Да брось!

– Отец ни дня официально не работал, а жил на широкую ногу. Подозрительно, – шепчет мама.

– Дедуля скупал по деревням иконы и другие старинные вещи, потом продавал любителям антиквариата, имел свои выходы на черный рынок, – неуверенно вспомнила я. – И еще клад нашел, говорят.

– Да-да, за это его и утопили, – вздохнула мама.

Наш дед – Егор Семеныч Третьяков считался в Ожогово неординарной личностью. В быту был строг и скуповат, но любил хорошо выпить и закусить в большой компании, нарядно одеться, погулять с раскрепощенными женщинами. Гордился тем, что предки его были купцами, утверждал, что с детства его донимает неумный коммерческий зуд.

«Купи на грош, выручи полтину».

С женой своей – нашей бабушкой Шурой, правда, часто ругался, требовал себе больше прав и свобод, мечтал о возвращении эпохи домостроя, когда женщина во всем покорна мужу и не препятствует интрижкам на стороне.

Но семь лет назад в жизни деда произошли крупные перемены. Как-то сердитый после очередной ссоры, он взялся копать на задворках дома глубокую яму под туалет и наткнулся в земле на красную кирпичную кладку. Возможно, в царские времена здесь стоял дом зажиточного крестьянина или лавочника, вот у деда и возникли мыслишки о припрятанном серебришке.

Скоро Егор Семеныч поставил на месте ямы добротную избушку, провел электричество, обзавелся необходимой мебелью и превратился в отшельника. Сутками пропадал в деревянной келье, а бабушка всем соседям говорила, что супруг читает Псалтирь и блюдет строгий пост.

– Грехи замаливает, «Ирод»! – ворчала она на почте, получая скромную пенсию.

Любопытные селяне только диву давались. Подменили бойкого старичка! На улицу носа не кажет, в магазине водочку не берет, одиноких моложавых вдовушек не навещает. И бабуля вдруг стала скрытной, занимала на старости лет шубу из густого светлого меха, на лицо округлилась, в теле поправилась, родне в город продукты машинами отправляет, хотя не держит скота и забросила огород.

Чудеса! На какие, спрашивается, шиши процветают деревенские пенсионеры? Точно, нашли Третьяковы клад. По доносу завистливых односельчан наезжала полиция, с дедом имела серьезную беседу, но никаких улик сокрытия клада от государства не обнаружилось.

Дважды пытались пожилую пару ограбить, забирались в ограду, отравили нашего песика. Стариков спасли решетки на окнах, крепкие засовы и охотничье ружье.

После третьей попытки взлома дед завел парочку свирепых волкодавов, а баба Шура начала жаловаться на сердце. Над усадьбой сгустились тучи.

Я в это время закончила учебу и устроилась работать в риэлторском агентстве «Скворечник», в Ожогово приезжала редко, у мамы закрутился роман с седовласым бизнесменом Виктором – хотелось чего-то в жизни успеть-наверстать.

Бабушка как раз маме свою новую шубу отдала, чтобы сельчанам глаза не мозолить, так мамини городские подружки убеждали, что это натуральный соболь. Каким образом к деду-отшельнику попала столь дорогая вещь? Откуда он брал деревянные бочонки с густым, ароматным медом, тяжелые круги сыра и коробки масла, завернутого в вощеную бумагу? Легче всего было поверить в колдовство-чародейство, а колдуны порой заканчивают плохо.

И вдруг гром посреди пасмурного неба – дедуля пропал! Сначала думали, очередная авантюра. Широкая третьяковская душа под старость захотела праздника и вырвалась из семейных тенет на волю. Погуляет-вернется, как раньше не раз бывало.

Однако заплаканная баба Шура на суде предоставила записку, где дедовой рукой было четко написано:

«Жить нынче скучно и маятно. Кругом притеснения и нападки. Старших не уважают. Власть лютует, народишко чахнет. Экология плохая,

еда невкусная. Спешу в райские кущи на орловских рысаках. Шуручка со мной ехать отказалась, не хочет вас бросать, дай ей бог здоровья, страдалице.

Дочь, прости, если обижал. Аленка – внученька родная любимая, не поминай лихом. Все, что скопил – ваше».

Дедушка всегда претендовал на оригинальность. И напоследок сумел народ озадачить. Местный пьяница Гриша Кочнев на суде заявил, что вместе с Егором Третьяковым пятого мая дегустировал у реки самогон «чище слезы», после чего Егор якобы стал жаловаться на тоску, пошел в сумраке купаться и не выплыл.

Тело так и не нашли, но, принимая во внимание записку и показания свидетеля, через полгода выдали бабушке соответствующую справку. Мы с мамой погоревали и успокоились.

Все-таки дед был самодур и, по большому счету, – эгоист, думал только о себе, бабушку довел до нервного срыва. После его загадочного исчезновения она пережила инсульт и без присмотра уже не могла обходиться. Я забрала ее в городскую квартиру, ухаживала, лечила, пыталась вернуть интерес к жизни. Тихонько расспрашивала о дедушке и соболях...

У меня до сих пор есть сомнения, что он добровольно простился с жизнью, мог просто серьезным антикварам задолжать и сбежать, следы замести.

А мама убеждена, что деда убили бандиты, выпытывая место нахождения клада.

– Скорее бы дом продать и развязаться с этой темной историей. Когда ты наследство оформишь? Только про наш уговор не забудь, не обмани мамочку – все честно пополам.

Глава 2. Дедова избушка

Покупатели на ожогинское хозяйство нашлись в течение месяца, хотя мы с мамой опасались, что народ побоится брать «колдовское» добро. Но большой дом в неплохом состоянии, рядом за кустами черной смородины новенькая избушка, которую можно считать летней кухней, также есть баня, гараж и сарай для хозинвентаря – лакомый кусочек.

Большую роль в сделке сыграла близость села Ожогино к городу и красноречие моей подружки Танюшки, одного из лучших риэлторов нашего отдела. Мне даже пришлось выбирать из трех претендентов того, кто был готов уплатить большую сумму. Танюшка устроила настоящий аукцион.

Наконец сделка оформлена, мой банковский счет пополнился на два миллиона рублей. Половину суммы, как обещано, сразу перевела маме, чтобы та не волновалась и бабушке на небесах не досаждала упреками.

У меня оставался один день, чтобы забрать памятные вещицы и навсегда проститься с домом, где провела детство. Признаюсь, пока шла подготовка к продаже, я исследовала все постройки, залезала на чердак, ныряла в подполье, стены простукивала.

Наверно, дедовы гены сказывались, тоже мечтала найти какой-то таинственный артефакт. Вдруг повезет наткнуться на саблю Колчака или кувшин с царскими червонцами. Улыбаюсь своим повышенным амбициям и с тревогой посматриваю на часы.

Ночевать, конечно, не останусь, вечерним автобусом вернусь в город. Или мама за мной приедет, она отлично водит машину, а здесь всего тридцать километров по трассе. Пишу ей послание на Viber, и спустя полчаса приходит запоздалый ответ:

– У Витеньки давление поднялось, не могу его оставить. Постарайся успеть на проходящий автобус или попросись до утра к соседке – тетя Света не откажет. Подари ей что-нибудь из посуды или вязаный половик.

Я раздраженно швыряю телефон в сумку. Какая посуда? Мама все более-менее ценные вещи вывезла в квартиру сожителя, когда бабушка была еще жива, и я кормила ее с ложечки манной кашей, меняла белье. Мама вообще редко нас навещала, занимаясь своей поздней любовью.

– Третьяковская порода, – однажды шепнула мне бабуля. – Не тем местом Ирина думает. Хорошо, хоть ты меня не бросаешь, Алёнушка. А дед-то всех обманул. Дед-то наш, старый хрен, чтоб ему пусто было, нашел себе забаву под старость...

Вздохнула тяжело и навсегда умолкла, унеся семейную тайну с собой. И вот спустя полгода я стою посреди широкой заснеженной ограды, шурюсь на мартовский закат, в глазах слезы, через плечо дорожная сумка, а там телефон, влажные салфетки, две дольки гематогена, кошелек с мелочью и паспорт с драгоценной банковской картой.

«Поздравляю, Аленка, – теперь ты миллионерша! Пора бы к тридцати годам занять состояние. Невеста с таким приданым пойдет нарасхват. Держи подол шире!»

Это я шучу, подбадриваю себя, чтобы не загрустить, все-таки тяжело расставаться с домом, где когда-то дедушка меня на качелях в ограде качал, а бабушка утром приносила с гряд спелую клубнику.

Чтобы не хлюпать носом, пытаюсь отвлечься позитивными планами.

Приеду в город, начнем канитель с продажей общей квартиры. Мама хочет иметь отдельное жилье, да и мне нужен свой угол. Надеюсь только на себя. Найти крепкую опору и вторую половинку пока не получилось, хотя были в юности любовные увлечения и бурные романы (у меня дедушкин темперамент!).

Потом с Игорем познакомилась, решила остепениться, прожили мы в гражданском браке почти три года, планировали свадьбу в случае беременности, но вдруг выяснилось, что я вряд ли смогу иметь детей. Суровый медицинский диагноз, мелкие погрешности в анатомии.

Я внешне спокойно эту новость восприняла, спрятала печаль подальше, мечтала о чуде и духом не падала. Некогда тосковать, больная бабушка на руках – умом как семилетний ребенок.

А вот Игорь стал задумываться, отдаляться от меня, надолго уезжать в рейсы. И как-то признался, что встретил другую женщину, с которой намерен создать полноценную семью.

Было обидно и больно, на прощанье руку ему крепко пожалала и пожелала удачи, а сама, чтобы не скучать, записалась на курсы вокала, (всегда нравились народные песни), начала игрушки из бисера собирать. Бабуле дарила свои поделки, та уже плохо видела, но долго держала в руках, ощупывала слабыми пальцами, тихо улыбалась, узнавая.

«Это бабочка, а это собачка... Молодец, Аленушка! Мастери, копи, потом деток научишь, у меня шкатулка была – там нитки, пуговицы и бисер, ты найди в доме, может, пригодится».

О своих женских проблемах я бабе Шуре, конечно, не говорила. Напротив, внуков обещала и на всю комнату голосила старинные песни про тонкую рябину и костер, который в тумане светит. Дедушка такие песни тоже любил.

Стоп! Что-то я шкатулку с пуговицами не видела в доме, неужели мамуля опередила? Позвоню – уточню, а потом бегом на автобусную остановку. Но мама заверила, что никакой шкатулки со швейными принадлежностями не увозила, стоит ли вообще беспокоить по пустякам. Терпеливо объясняю:

– Хочется память оставить. Там могут быть винтажные пуговицы и значки советских времен.

– Поищи в летнем домике, я всякий хлам сложила в коробки и бросила на пол, пусть новые жильцы разбираются, – советует мама.

Пришлось мне поправить сумку на плече и вернуться к избушке в дальней части ограды. Всегда удивлялась, зачем дедушка установил на двух маленьких окнах кованые решетки? Внутри же вылитая келья: низкий топчан, самодельный стол со стулом и железная печурка для холодных зимних вечеров. Давно здесь никто не ночевал. Интересно, смогу ли сама печку разжечь?

В коробках, на которые намекала мама, пылились старые газеты, мельком глянув на их страницы, я заметила обведенные ручкой объявления о покупке антикварных вещей «задорого». Эх, дедуля-дедуля...

Решительно открыла заслонку печи и поворошила клюкой истлевшую золу. Сейчас принесу пару полешек со двора и заодно сожгу весь бумажный мусор, чтобы новые владельцы усадьбы не трясли наше барахло.

Вдруг на железный лист перед печью выпорхнул серый клочок бумаги, конечно, я его за краешек ухватила и поднесла к лампочке, свисавшей на проводе до середины комнатушки. Очень хотелось прочитать мелкие буковки, отпечатанные на машинке.

Похоже на финансовый отчет, только в антураже позапрошлого века:

Бордо кавказскихъ садовъ – 30 руб. \бут.

Русское шампанское – 40 руб. \бут.

Вино белое рейнскихъ лозъ сухое – 50 руб. \бут.

Икра зернистая (фунт)

Бальк

Эх, жаль, не разобрать цену деликатесов, краешек обгорел! Может, еще какой обрывочек сохранился в печурке? После дедушкиной пропажи никто здесь не топил. Я еще усердней

пошуровала кочергой и выудила на тусклый свет коробочку из-под леденцов с кудрявой женской головкой и старинной надписью «Ландринь». Даже год производства смогла прочесть 1865. Вещица занятная, наверно, дедушка нарочно сюда запрятал.

В круглой коробочке что-то тихонечко звякнуло, но с ходу открыть не удалось, пришлось подцепить ключом за отсутствием других острых предметов. Внутри явно перекатывались мелкие предметы, а меня разбирал азарт. Все-таки добралась я до дедушкиного клада, пусть там хоть советские значки с Олимпийских игр в Москве 1980 года, а вдруг старинные монетки... Согласно даже на слипшиеся, засахаренные леденцы. Люблю сюрпризы из прошлого.

Наконец коробочка жалобно пискнула и резко распахнула жестяные створки, содержимое рассыпалось по дощатому полу. Я бросилась поднимать, тут, как назло лампочка, замигала, грозясь погаснуть, наверно, проводка шалит. Когда освещение восстановилось, я присела на корточки и собрала в ладонь несколько голубых и зеленоватых камешков, остальные прозрачные закатились под топчан. Пришлось его отодвигать.

Подсвечивая фонариком с телефона, я обнаружила пару мелких кристалликов в щели между досками. А вдруг это настоящие бриллианты? Рученьки мои слегка задрожали, я вытащила из коробки со старьем погнутую вилку и начала осторожно ковырять в щели, стараясь поддеть камешек, но только хуже сделала. Доска приподнялась, добыча моя полетела под пол.

Я перевела дыхание, с тоской посмотрела на часы и принялась отрывать доску с твердым намерением собрать всю коллекцию дедушкиной прятанки. Но сколько ни шарила в темноте, дна не находила, зато обнаружила деревянные ступеньки. Кто же знал, что в избушке есть нижний этаж?

Отрываю еще пару досок и по хлипкой лестнице спускаюсь вниз, подсвечивая фонариком с телефона. Тут меня могут ожидать подарки поинтереснее крохотных блестяшек.

Пустые пузатые бутылки не в счет – почему все этикетки с буквой «Ъ» – непонятно (дедушка держал подпольное производство алкоголя?), железная ступка с пестиком в сторону – фу, сколько здесь паутины!

Посреди бурой кирпичной кладки стены в разохшейся раме обнаружилась фреска, изображавшая двустворчатую дверь-арку. Из нее торчало самое настоящее железное кольцо. Отчетливо помню, когда взялась за него, сверху в избе послышался громкий хлопок, а потом противный треск.

Надо бы подняться и посмотреть, что с лампочкой, но в лицо мне ударил порыв ветра из распахнутой арочной двери. Успела лишь крепче сжать сумку, зато выронила телефон. В ушах раздавалось мерное тиканье часов, тело казалось удивительно легким и чужим, в темноте перед глазами мелькали оранжевые круги.

Я куда-то лечу, и совсем не страшно.

Глава 3. Ольга Карповна Ляпунова

Меня преследовал запах гари, в носу щекотало – я громко чихнула и открыла глаза. Что такое? Взгляд уперся в пожелтевшую лепнину на высоком потолке, бледные обои в мелкий рисунок и пустую птичью клетку, обвел светлое окошко, прикрытое вязаными белыми шторками. На подоконнике цветочные горшки с бальзамином и геранью. Разве я не в подвале дедовой избушки?

А-а, наверно, потеряла сознание и меня соседи нашли, вызвали врача, тот сунул укольчик, и я благополучно проспала до утра. В таком случае тетя Света должна маме позвонить, успокоить.

Но вдруг обнаружилось, что лежу я не на кровати или диване, а почему-то валяюсь в сапогах и распахнутом пуховике прямо на задравшемся пыльном ковре среди пола. Вместо подушки – моя дорожная сумка, набитая кипой бумаг и чем-то вроде гальки. Ба, да это ж монеты!

Разглядев гербы и названия, я чуть в голос не завопила – вот он дедушкин клад из тайного подполья: денежные ассигнации времен Александра II плюс три пригоршни серебряных и золотых монет.

Ну, теперь весь поселок в курсе! Наследницу клада даже не удосужились на чистую постель уложить, побежали звонить в полицию. У дверей, наверно, приставили охрану. Смех и грех. А у меня голова болит и спину ломит, будто всю ночь каталась на снежных горках. И еще часы на стене противно потрескивают. Интересные часы – с гирьками в виде еловых шишек. Если не врут, сейчас ровно девять утра.

Я поднялась и внимательно оглядела место своего заточения. Старинная мебель под орех, у шифоньера ручки фигурные желтоватые «а-ля слоновою кость» с цветочной росписью под старину, в буфете за стеклом куча посуды – фарфор и хрусталь.

И вообще комната напоминает склад – завалена мешками, корзинами и коробками, из которых торчат бутылки с пестрыми этикетками, рулоны белых полотен с тонкой ручной вышивкой, раскрашенные прялки и доски, мужские сапоги со шпорами, книги, куклы, ножи – нет, судя по размерам, кинжалы и сабли. И все очень красивое, добротное, дорогое на вид.

Под окном, где обычно расположены радиаторы отопления, стояли обернутые в плотную бумагу картины. В разорванном листе видна позолоченная рама и кусок неба крупными мазками.

Кровать здесь все-таки имелась – железная на высоких ножках, а на ней толстые перины и горка подушек под кисейным покрывальцем. Рядом из стены выпирала круглая печка в потрескавшихся голубых плиточках, надо же – теплая, а вот труб и радиаторов батарей обнаружить так и не удалось. Неужели в Ожогоино еще кто-то дровами топит? Странно.

Я затолкала деньги обратно в сумку, с трудом ее застегнула и сунула под кровать, все равно находку заберут для музея. Мне бы свое сохранить. Но изучив содержимое кошелька, я пришла в тихий ужас, готовый смениться паникой.

Банковская карточка исчезла, во всех отделениях торчали аккуратно сложенные купюры позапрошлого века, в кармашке для мелочи брякали желтые и серые монетки с рельефом царской короны и затейливым вензелем «А II». Сотовый телефон тоже пропал.

Однако главный сюрприз ожидал меня, стоило распахнуть корочки паспорта. Вместо привычного бланка с фотографией, я прочла печатный текст на шершавой бумаге, причем, имя мое и звание было написано чернилами от руки:

Владелец книжки:

Имя, отчество, фамилия:

Третьякова Алёна Дмитриевна

Звание:

Мещанка

Время рождения или возраст:

30 августа 1840 года

Вероисповедание:

православная

Состоить ли или состоять ли в законном браке:

Девуца

Если рассуждать здраво, то объяснение может быть только одно – давнишняя дедушкина шалость. Он увлекался стариной и всегда был на выдумки горазд. Хотела Алена привет из прошлого – получай! А настоящие документы соседи в полицию унесли.

На всякий случай я еще раз заглянула под кровать и заметила, что сумка моя упирается в рулоны ковров у стены, тут же громоздились лакированные шкатулки разных размеров, керосиновые лампы и канделябры. Запасливый хозяин. Словно хомяк натаскал в нору кучу ценных предметов.

И тут меня с макушки до пяток жар прошиб. А вдруг я вовсе не в Ожогино, вдруг не у соседей? А если меня похитили «черные антиквары», которые десять лет охотились за дедовым добром? Теперь понятно, почему на полу лежала, зачем со мной церемониться.

Клад из подполья бандиты присвоят, карточку с миллионом отберут, но сначала выпытают у меня пароль. От такого предположения руки затряслись, и одна только мысль затикала в голове: «Бежать! Срочно бежать из винтажного логова, пока не вернулись грабители».

За стеной, куда выходила теплая печь, послышался сухой старческий кашель. Я подкралась к двери и подергала ручку – заперто, а чего еще ожидать от темницы. Остается только прыгнуть в окно, благо первый этаж, ветки кустов на ветру трепещут, со двора слышен петушиный крик и звуки глухих ударов, – в мяч, что ли, там играет детвора...

У-у, даже на пластик антиквары не раскошелились, между двойными деревянными рамами вата проложена, а на ней красные гроздья рябины и стеклянные бусины.

Интересно, если самым толстым самоваром грохнуть – удастся выбить проход с одного замаха? На второй может просто времени не хватить. Вытаскивая из груды вещей ведерный самовар, я опрокинула черный жостовский поднос и разбила какую-то хрупкую безделушку в дерюжном мешке. И замерев в тишине, вдруг расслышала, как со скрежетом поворачивается ключ в замке комнатной двери.

«Не успела!»

Остается удобнее перехватить тяжелую посудину в руках и встретить хозяина этого склада. Или хозяйку...

В дверном проеме показалась женщина средних лет. Длинное старомодное платье туго натянуто на пышной груди и расширяется к полу от полной талии, на плечи накинута черная шаль с кистями. Волосы спереди гладко расчесаны на прямой пробор, сзади, вероятно, собраны в узел. Лицо заспанное, с выражением ленивой скуки.

Тетка теткой! Вроде, ровесница моя, но старит себя ужасно.

И на атаманшу банды разбойников совсем не похожа. Скорее, героиня спектакля по пьесам Островского из мещанского быта царской России. Может, местная актриса на репетицию собирается?

Я немного ободрилась и выдохнула приветливо:

– Здравствуйте!

Тетка капризно надула розовые губки, затеребила мелкие пуговицы у ворота.

– Вот уж не знаю, желать ли вам доброго утра! Как вы попали-то сюда? Кто вас пустил? Потрудитесь объясниться, иначе немедля дворника кликну. Слышите, Федор за окном дрова колет?

«Вот тебе, матушка, и футбол!»

Я осторожно поставила самовар на место и решила прояснить ситуацию.

– Это ваш дом? Как к вам можно обращаться?

– А то чей же! – усмехнулась тетка и сдвинула бровки, от чего, впрочем, не стала казаться суровой. – Зовут меня Ольга Карповна Ляпунова, я – вдова коллежского секретаря.

– Эм... «наверно, она роль репетирует, хочет впечатление произвести». Понимаете, со мной странный случай произошел. Я – Алена Третьякова...

– А-а, так вас Егор Семеныч прислал! – обрадовалась она. – И ключи от черного хода выдал? Ну, наконец-то! Недаром вчера пасьянс у Акулины Гавриловны сложился удачно. А я уж беспокоиться начала. Посудите сами, всегда исправно платил за полгода вперед, а нынче не показывается. И что прикажете делать с его вещами? По новому адресу переслать или пустить на торги?

Меня охватили смутные догадки.

– Простите, а когда вы дедушку видели в последний раз, то есть Егора Семеныча Третьякова, разумеется?

Ляпунова прищурилась на пустую птичью клетку, начала загибать пальцы и губами шевелить, но, видно, память ее подводила.

– Да позвольте! У меня все отмечено в календаре. Сейчас мы сочтем.

Шурша платьем, она ловко для своей крупной фигуры скользнула мимо меня к буфету и выдвинула маленький шкафчик. Я успела заметить плотный лист с витиеватой датой 1873 год и выпалила:

– Вы здесь свой театральный реквизит храните? Или это все дедушкино добро?

– Какой реквизит? – удивилась она. – Егор Семеныч уже седьмой год как снимает у меня комнату, я не вмешиваюсь в его дела.

– Но вы одеты, будто в театр собрались, – рассеянно пискнула я, пытаюсь прочнее охватить мысль о дедовом коварстве.

«Инсценировал гибель, а сам снимал комнату у какой-то чирикнutoй бабёшки! Только бы до него добраться, ух, я бы ему...»

– Да бросьте, – смутилась Ляпунова, – платье домашнее, признаться, я давно не выезжала. Егор Семеныч, бывало, приглашал на гулянья или на лодках кататься по весне, но у меня слабое здоровье и малокровие, любой сквозняк мне во вред. Быстро устаю. Дома спокойно, тихо. Вот, видите, циферка чернилами обведена – шестое июня прошлого года. Ваш дедушка тогда меня любезно навестил и внес сто рублей ассигнациями задатку, а нынче один убыток выходит. Так, что он просил передать? Намерен и далее у нас квартироваться? Учтите, милая, я неустойку возьму за просрочку...

– Подождите, подождите! – заволновалась я. – Вы утверждаете, что Егор Третьяков летом жил у вас в доме. В этой вот самой комнате?

Ляпунова увела голубенькие очи под потолок и томно прощбетала:

– Сам он в другом месте изволил проживать, платил только за хранение сих предметов и редкую их ревизию. Говорит, здесь у вас, Ольга Карповна, обстановка благоприятная, тихо-спокойно. Атмосфера располагает, умиротворяет. Приедет на часок, откроет дверь своим ключиком, ночку ночует, мы его и не видали в доме. Чудесный жилец! Да куда ж он пропал? Не струсилось бы несчастья... Что вы молчите? Алена... как вас по батюшке?

– Дмитриевна, – протянула я, потом подчиняясь странному порыву, нырнула под кровать и вытащила пачку мятых ассигнаций.

«Сейчас мы эти театральные замашки прекратим махом, хватит ломать комедию».

– Сколько он вам задолжал? Двести... Триста рублей... Этого хватит до конца года? Держите!

Ляпунова достала из-за пазухи кружевной платочек, деликатно шмыгнула носиком и сказала нараспев:

– Для полного расчета соточки не хватает. Не обессудьте! Я плату уменьшать не могу, потому как бедная вдова и кормилица у меня нету. Огородик за окнами и курочки во дворе, вот и весь достаток, а ведь надобно и кухарке платить, и сторожу... Некому заступиться.

Я чуть не поперхнулась от смеха. «Ну, давай дальше играть, кукла нарядная».

– Видите ли, в чем дело, дражайшая Ольга Карповна, я вам сейчас свои собственные деньги даю и хочу аренду помещения продлить, так как намерена найти любимого деда или... гм, наследовать его имущество. Семейство наше очень переживает. Уехал Егор Семеныч по торговым делам да как в воду канул. Верно вы рассуждаете, не стряслось ли беды. А скажите, пожалуйста, на какой улице дом ваш стоит? Я едва нашла по приметам.

– Так 1-й Голутвинский переулочек, – Ляпунова лобик наморщила, смотрела на меня, как коза на новые ворота.

– Голутвинский – это где? – наступала я. – Что-то в Ожогово такой улицы не припомню.

– Да помилуйте, какое Ожогово?! Якиманка, Старомонетный, Лаврушинский... Замоскворечная сторона.

– Вы зачем мне столичные улицы называете? – я уж не знала злиться или смеяться в голос. – Что у вас за спектакль? Чехова ставите?

Но Ляпунова насупилась и рыхловатый подбородок ее гневно задрожал:

– А вам каких еще улиц надобно, ежели вы в Москве? Вы не пьяна будете, барышня? Таких постоялиц мне на дух не надобно. Я скромно вдовею, себя строго блюду, Акулина Гавриловна подтвердит, всем сватам отказала. Предъявите бумаги или Федора позову, доставят вас к городовому, там будете родственника искать. А в своем доме скандалов не потерплю.

От такого заявления настал мой черед изумленно тарашить глаза. Но я скоро очухалась и показала Ляпуновой единственный паспорт, что был на руках. Тот, где указано, что я православная девица 1840 года рождения. Кто бы передо мной сейчас не был – сумасшедшая или актриса, надо держать ухо остро и не вызывать ее раздражения.

– Понимаете, я долго к вам добиралась по дедушкиным подсказкам. Очень устала, в голове путаница. Мне бы отдохнуть и собраться с мыслями. Можно у вас стакан воды попросить? А лучше, конечно, чашечку чая. Забыла спросить, Ольга Карповна, в плату за проживание завтраки и обеды входят?

Ляпунова скептически оглядела меня с ног до головы, важно кивнула.

– Насчет стола мы договоримся. Но вам бы переодеться не мешало. Или в Тобольской губернии нынче так женщины по улицам ходят?

– Медвежий угол, о моде смутное понятие, – виновато вздохнула я. – Если подскажете, где ближайшие магазины, прикуплю себе приличный наряд. С собой у меня даже белья нет, чемодан с вещами в бричке украли.

– Какое несчастье! Я что-нибудь подберу на первое время, Анисья принесет, – сжалилась хозяйка.

Глава 4. Сваха

В гостиную я вышла в унылом коричневом платье, которое Анисья как могла ровно затянула сзади на спине, но все равно наряд был мне велик, ткань собиралась в складки. Хорошо, хоть подол с оборками по полу не волочился – я выше Ляпуновой и гораздо стройнее.

Вместо зимних сапог мне предложили облачиться в открытые домашние туфли на небольшом каблучке. По манере хозяйки я накинула на плечи белую вязаную шаль с красными розанами, которую нашла среди вещей в комнате деда. Теперь хоть на театральную сцену – Катерину в «Грозе» играть, но стоит ли шутить?

Каким-то сказочным образом я попала в XIX век на тихую улочку Замоскворечья, где дед Егор – путешественник во времени и хитрый делец, оказывается, домик снимал для хранения своей контрабанды.

И еще один интересный факт – деньги с моей банковской карты конвертировались в местную валюту. Приятный бонус временной петли. Так что от голода вряд ли пропаду, напротив, намерена прилично питаться, чтобы хватило сил и ума отыскать заблудшего родственника. Пусть Егор Семеныч показывает дорогу обратно – к автотранспорту и скоростному интернету!

Раздумья мои прервал медлительный голос хозяйки:

– Алена Дмитриевна, что же вы ничего не кушаете? Ватрушки с творогом сегодня удались. А к обеду подадут суп с потрошками и рыбный пирог. Вы же останетесь на обед или планируете вояж за покупками?

– Благодарствуйте, Ольга Карповна! Пока не решила, – чинно ответила я, едва сдерживая нервный смешок. – А что за птица свистит у вас на окне?

– Это чижик Веня. Мы его держим ближе к цветам, чтобы не скучал.

И здесь герани на подоконниках. Китайский розан в квадратной кадке на полу, а в соседнем углу возле плюшевого дивана крупнолиственной кожистый фикус. Пока в кружке остывал кипяток из самовара, я оглядывала просторную комнату, дивясь обилию вязаных салфеточек на спинках дивана и кресел.

В коридоре слышались шаркающие шаги. Анисья под руку проводила к столу сгорбленную старушку в черном чепце. Дуя на чай в блюдце, Ляпунова нехотя пояснила.

– Тетушка моя Пелагея Ивановна. Сын ее держит бакалейную лавку, раньше она с ними обитала, так повздорила с невесткой. Вот мне и отправили на догляд. Коротаем вдвоем деньки. Гриша за содержание платит и гостинчики посылает, то сахарную голову, то бутылку масла. Надо же чем-то жить.

– Гм... рада знакомству, – коротко бросила я. – Все-таки, Ольга Карповна, постарайтесь припомнить, не называл ли дедушка еще каких своих адресов в Москве?

– Ничем не могу помочь. Разве что Гриша знает, Егор Семеныч с ним толковал о каком-то дельце. Надо бы за ним послать. Федор сходит после обеда.

Ляпунова зевнула, прикрывшись платочком. Старушка хмуро глядела в пустое блюдце, ждала, пока Анисья нальет чай, подвинет вазочку с вареньем. Моя персона ее мало волновала. Мерно тикали часики на стене, на дворе перекликались петухи. Я угостилась ватрушкой, попробовала хрустящую сушку с маком, размешала в чашке кусковый сахар и нетерпеливо заерзала на стуле.

Может, пора выбираться из-за стола и начинать поиски? Но раскатать Ляпунову на бурную деятельность оказалось сложно. Она откровенно дремала, облизывая ложку с вареньем, потом потянулась к самовару за второй чашкой кипятка. Этак мы до обеда проваландаемся, а потом и до ужина просидим в гостинной.

Вдруг на улице грозно залаял пес, Анисья пошла проверять, и скоро в комнату влетела остроглазая румяная женщина лет слегка за пятьдесят. Скинула пальтишко и платок на руки

прислуге, чмокнула старушку в плечико – «Как здоровьице, Пелагея Ивановна?» и, не дождав-шись ответа, смачно расцеловалась с хозяйкой.

– Уж, я матушка Ольга Карповна, так спешила-так спешила, знаю, что любишь до обеда поспать. Новости больно хороши, на сей раз экземплярчик что надо – образованный и с день-гами, не больно стар. После потолкуем подробно. А я гляжу, в доме гости!

– Внучка жильца моего Егора Семеныча, – представила меня Ляпунова. – Прямиком из самой Сибири, жаждет повидать дедушку. Знакомьтесь, Алена Дмитриевна... это добрая знакомая наша...

– Акулина Гавриловна Жигалова, – женщина и ко мне бросилась целоваться, от нее пахло мылом и табаком, а еще мартовским морозцем и сплетнями. – Надолго ль в Москву пожало-вали?

– Зависит от обстоятельств, – уклончиво отвечала я.

– А супруг, верно, по купеческой части? – Акулина Гавриловна птичкой порхала у само-вара, разливая всем по третьей чашке кипятка.

– Мужа у меня нет, – скромно призналась я.

– Святые угодники! Вдовствуете? – ахнула Акулина Гавриловна.

Пришлось аккуратно слова подбирать для ответа.

– Я – девица. То есть, не совсем девица, хм... Сама по себе, но представление о мужчинах имею. И опыт тоже.

Старушка Пелагея, до сего времени казавшаяся глухой, перестала шумно хлебать чай из блюдца и отквасила мокрую губу, глядя на меня с опасливым подозрением. Ляпунова задум-чиво крошила плюшку на скатерть, поджимала розовые губки, Акулина Гавриловна, наконец, плюхнула объемный турнюр на стул и установила локти на стол. Переглянувшись с Ляпуновой, спросила вкрадчиво:

– Уж простите за прямоту, на что ж вы живете, барышня? Родители, небось, кормят?

– У меня свои деньги. Бабушкино наследство.

«И чего прицепилась сорока! Лопай плюшки, раз пришла или развлекай Ляпунову, а то скоро заснет носом в тарелке».

Я сунула ложечку варенья в рот – у-у, смородина, вкуснотища... ягодка к ягодке в желе.

Акулина Гавриловна сделала постное лицо и прищурилась.

– Позвольте еще узнать, не в обиду сказано, а каков примерно ваш капиталец?

Я решила прибедниться немножко, брякнула наугад:

– Двести тысяч серебром и еще сколько-то денег бумажками. Перечеть недосуг. Сейчас в городе осмотрюсь и положу в банк под проценты. Не посоветуете ли солидное учреждение? И еще у меня вопрос. Нет ли среди ваших знакомых приличного человека, чтобы мог меня по городу сопровождать, а то боюсь заблудиться с непривычки?

– Эта какого же человека вам надобно? – Акулина Гавриловна начала заикаться, щеки ее еще более разругались от горячего чая и возросшего любопытства.

– Мужчину желательного, – рассуждала я, – чтобы в солидных летах и плотной комплек-ции. Вроде телохранителя, понимаете? Не мямлю, не тютю... и чтобы не грубиян.

Акулина Гавриловна изобразила умильную улыбочку на лице и часто закивала.

– Уж как не разобрать, голубушка ты моя! Как раз по моей должности запросец. Я самая известная сваха в здешних краях.

Я досадливо вздохнула и решила внести ясность в тему:

– Но учтите, я любовника и альфонса не ищу. Мне пока не до амуров. Требуется серьез-ный мужчина, который за определенную плату город покажет, магазинчики там... безопасные улочки, рестораны-музеи...

Что-то у меня фантазия разыгралась, а с ней и аппетит. Начала книжки и фильмы вспо-минать про старую Москву. «Честь имею» там всякие и «ваше благородие», усатых городских

и услужливых половых, ананасы в шампанском, рябчиков с осетрами и ведра черной икры. Раз попала в переплет времени, надо пользоваться случаем и расширять кругозор.

В памяти зазвучала одна из любимых дедовых песен.

*Москва златоглавая,
Звон колоколов,
Царь-пушка державная,
Аромат пирогов.
Конфетки-бараночки,
Словно лебеди, саночки.
«Эй вы, кони залётные!»
Слышен звон с облучка.*

– А вы, Ольга Карповна, не желали бы прокатиться со мной до банка, а потом в ресторан завернуть? – предложила я. – И как здесь сыскать извозчика?

Ляпунова повела полными плечами, опустила светлые реснички.

– Дорога нынче не хороша, ямы да колдобины после оттепели. Натрясет поди. Поезжайте одни, а мне привезите какой подарочек. Егор Семенович завсегда с гостинчиком навещал.

– И вам привезу гостинчик, – раздобрилась я, наливая старушке чай вместо удравшей на кухню Анисьи. – Чего бы вкусенького желали, Пелагея Ивановна?

Та пожевала сморщенными губами и заказала мягких пряников и клюквенной пастилы. Только бы не забыть.

Между тем на выразительном лице Акулины Гавриловны отражалась глубокая умственная работа по разбору каталогов «приличных мужчин».

– Как думаешь, матушка, – обратилась она к Ляпуновой. – Может, Алену Дмитриевну свести с Перекатовым? Сергей Петрович все ж таки дворянского звания, манерам обучен, с барышнями держится деликатно, а у самого шиш в кармане и вша на аркане, прости Господи меня грешную болтунью. Вечно он в долгах, ежели обещать награду, в лучшем виде проводит по Москве. Это ж не землю мотыжить, не овец пасти. Гордости никакого урону.

Акулина Гавриловна подвинула стул ближе ко мне и погладила меня по плечу, делая вид, что любит вязаным алым розаном.

– Только и меня не обидьте, голубушка, а уж я расстараюсь для вашего удовольствия. Тотчас отправлюсь к Сергею Петровичу, просьбицу изложу.

– Будьте спокойны, – строго заверила я. – А кто такой этот ваш Перекатов?

Мне подробно рассказали историю славного обедневшего рода. Батюшка Перекатова расстратил состояние на скачках и актрисах – с горя укатил в Италию и там помер в неизвестности, а сынок к сорока годам вынужден жить на доходы с единственного захудалого имения.

– Раньше Сергей Петрович на Арбате квартиру снимал, теперь вынужден на Болотную перебраться. А душа тонкая, праздника просит, хранцузских духов и бланмаже.

– Найдите ему богатую невесту с приданым, – засмеялась я. – Или он не красив? Характер крут? Пьяница-гуляка?

– Что ты, голубушка, упаси Христос, – защебетала Акулина Гавриловна, – Сергей Петрович – человек нежный, образованный, журналы читает, в театры ходит. Ему с нашим братом-лавочником не столкнуться. А благородная да с деньгами разве пойдет? И-и...

Я красноречиво глянула на притихшую Ляпунову.

– Что ж вы Ольгу Карповну ему не посватаете?

Акулина Гавриловна звякнула чашкой о блюдце, истово перекрестилась и выкатила глаза:

– Старалась, матушка, да разве им угодишь...

Ляпунова опустила сушку в чай и томно произнесла, едва сдерживая зевоту:

– Ежели мужа на содержание брать, недолго по миру пойти. Капитал мой не велик, только одной и прожить в скромности. И потом, Сергей Петрович говорит много и сладко, я при нем засыпаю.

Я бросила быстрый взгляд на Акулину Гавриловну, та весело подмигнула в ответ, скорчила обиженную гримаску и развела руками. Кажется, между нами возникло полное понимание. Вот с кем можно дело иметь.

После пятой чашки чая было решено к вечеру собрать в доме Ляпуновой небольшое общество. Должны явиться к столу: Григорий Артамонов – лавочник, сынок Пелагеи Ивановны, потом Перекатов (если согласится на мое предложение о прогулке), и новый претендент в женихи для Ольги Карповны – образованный, не старый и не бедный чиновник из какого-то управления.

Настраиваясь на званый ужин, Ляпунова раздала указания Анисье, послала кухарку за провизией и, устав безмерно от планов, сама отправилась отдыхать на второй этаж в спальню, старушка Пелагея тоже ушкандыбала в свой закуток, постукивая палочкой, а я побродила по дому, заглянула в кухню и кладовую, потом отыскала среди дедовых запасов женский салоп и вышла во двор.

Глава 5. Званный ужин

С улицы дом Ляпуновой выглядел гораздо наряднее и больше, чем могло мне казаться в тесных, заставленных комнатах. Частые окна имели деревянные подзоры с затейливой сквозной резьбой, ставни выкрашены голубой и белой слегка облупившейся краской. На втором этаже красовался единственный балкончик, видимо, вел из спальни хозяйки, а на крыше высился задорный деревянный конек. Милая старина. Сколько мне придется гостить в этом теремке? Удастся ли найти блудного деда и попасть домой? Гоню прочь сомнения, кутаюсь в пуховый платок, продолжая изучать усадьбу.

За домом располагался небольшой огородик, щедро припорошенный снегом, и несколько деревьев с кустами. Вот тебе сад и курятник, а дальше сеник и конюшня.

Оказывается, не я одна приbedняться умею – при своих скромных доходах Ляпунова держала лошадку для выездов и колясочку с откидным верхом. Наверно, дворник ее и за конюха справляется и на козлах сидит.

Дорожки, ведущие к амбару, широко очищены и завалены свежей щепой, пожилой бородатый мужик в расстегнутом зипуне укладывал в поленицу дрова. Помогал ему дюжий русоволосый парень лет двадцати – высокий и статный, раздумялся от трудов, недаром из-под шапчонки взмокший вихор торчит. Чем-то Иванушку из «Морозко» напомнил. Глазищами синими на меня сверкнул и потупился.

Я рассмеялась в лисий воротник и звонко крикнула старшему:

– Не вас ли, дяденька, Федором кличут?

– Так и есть, – важно ответил он.

– Простите, не знаю, как по батюшке величать... Бог в помощь! Откуда дровишки?

– Благодарствуем, барыня, – важно отвечал Федор. – С рогожинских рядов нынче привезли. Первый сорт.

– А помощник ваш тоже служит у госпожи Ляпуновой? – я открыто любовалась молодым красавцем, который не смел больше на меня глядеть.

– Васятка-то? – Федор насмешливо покосился на смущенного парня. – Он у Григория Кузьмича Артамонова при лавке в работниках. С Покрова в Москве, не обвыкся еще городской жизни. Пестуем помаленьку. Народ в нашей стороне разный шляется, недолго с доброго пути свернуть на кривую дорожку. Слыхали, как бабушку Пирогову возле Горячевских бань ограбить пытались? Еле дубовым веником отбилась.

Нагулявшись вдоволь, я воротилась в дом и крепко задумалась насчет вечернего сбора. Не хочется при стародавних мужчинах выглядеть форменным чучелом, попрошу Анисю волосы заколоть повыше – поинтересней, поищу в дедовых закромах браслетик или медальон. В шкатулке под кроватью полно занятных безделушек с камешками. Заодно пересчитаю в сумке свои «бешеные деньги» и отложу пару десятков тысяч на банковский вклад и завтрашний променад.

Держись, Кузнецкий мост, Алена Дмитриевна наряжаться желает!

Посмеиваясь над своим азартом и храбростью, я завалилась на кровать и принялась рассуждать.

«Может, ну – его, Перекатова, еще чваниться начнет над моим незнатным происхождением. Откажет – не расстроюсь, а лучше спрошу в Москве солидное охранное агентство, где можно также нанять детектива для поиска одного престарелого купчика».

За планами и мечтами незаметно время перевалило за полдень.

«Эх, Шарاپов, сейчас бы куриного супчика, да с потрошками!»

За обедом я окончательно разгадала секрет пышного стана Ольги Карповны. Вкусная еда, пожалуй, была главным удовольствием ее размеренной жизни. Не комнатное убранство,

не женские туалеты и украшения, ни общество кумушек или кавалеров не привлекали ее так сильно, как обильно накрытый стол несколько раз в день.

Сладко вздремнув после завтрака, Ольга Карповна сейчас держалась несколько бодрее и особенно оживилась, когда я от души похвалила горячий ароматный суп.

– Рассольник сегодня отменный, вы правы, Алена Дмитриевна. Расстаралась Анисья.

Потом я узнала, что супов с потрошками издревле существует на Руси великое множество. А также по турецким и немецким рецептам.

– И на сливочках, и с грибами, и гороховый... .

Мы же сейчас употребляли некий традиционный вариант, когда куриные желудочки, сердечки, печенки и шейки нежнейшим образом соединялись с поджаренными луком и морковью, перловой крупой, корнишонами и картофелем.

– Причем, печеночку следует закладывать в бульон в самом конце и обязательно коренья всякие присовокупить, сушеную зелень, да еще поперчить круто. Вот так я люблю.

– Да-а... – размечталась я, – со сливками было бы вовсе недурно.

– Верно вы судите, – понимающе вздохнула Ляпунова. – Однако же третья неделя Великого поста идет. Мы, правда, не слишком правило блюдем, мне по малокровию даже врач не советовал увлекаться диетой. Потому вынуждена и мяско и молочко употреблять понемножку, яички свежие – свои, авось не велик грех для болящей вдовы. На церковь я всегда жертвую, сирым да убогим копеечки подаю. Бог милостив, авось и простит.

Далее мы перешли к слоеному пирогу с телятиной. Тут уж разговаривали мало, целиком занятые процессом. Ляпунова, кстати, отдавала должное и постным блюдам, например, пареной брюкве с брусникой и яблочному узвару.

Бабушка Пелагея не сей раз обедать в гостиную не вышла, сославшись на ломоту в костях, а по моим догадкам, боялась оскоромиться при таком изобилии.

Должно быть, помнила крестьянские корни и строже соблюдала посты. Анисья отнесла ей в комнату бурачки – тертую свеклу с хреном, щедро сдобренную лимонной заправкой и луковник – слоистый дрожжевой пирог с луком обжаренным на растительном масле до золотистого цвета. На десерт – пастила из рябины.

«Точно, про гостинчик бы не забыть... Бабуля клюквенную желает».

Между тем, хорошенько подкрепившись, Ольга Карповна вновь сделала озабоченное лицо и начала тревожиться о званом ужине, прикидывая, сколько будет гостей и чем каждому потрафить.

– Ну, Гришины вкусы просты, он мясного пока стережется, так перловой каши с грибами и легкой ущицы, думаю хватит. Семушку наемни прислал свежайшую, надобно сготовить. Закусочки там под водочку, можно и коньяка... Ты уж придумай, Анисья!

– Не впервой, барыня, угодим.

Ляпунова зевнула, быстро перекрестив рот, и снова взялась планировать.

– С Перекатовым тоже хлопот не будет, он вечно гостевыми обедами перебивается, каждому приглашенью рад. Мы его котлетками побалуем с пареными овощами. Ума не приложу, что новому гостю подать! Ведь я с Бабушкиным не знакома. Анисья еще брякнула, что он маменьку с собой приведет – это уж ни в какие ворота...

– Смотрины – дело серьезное! – заметила я. – Может, понравится друг другу и заживете одним теремком с полнехоньким погребком. Совет да любовь, расширение капиталов.

– Скажете тоже, – застыдилась Ляпунова и уже деловито прибавила: – Надеюсь, с капиталом у него полный порядок, потому как я не столь богата, чтобы с голодранцем сойтись.

У дверей застучали осторожно, показалась кучерявая русая голова парня, который на дворе Федору помогал. Низковатый молодой голос почтительно прогудел:

– Ольга Карповна, я печную заслонку наверху починил, с дровами закончил, таперича к Артамоновым собираюсь, может, какие ваши слова передать?

Ляпунова не спеша отпила из чашечки яблочный узвар, оттопырила мизинчик и важно сказала:

– Ступай Вася, да напомни братцу о вечере. Обещали навестить.

– Доброго здоровьица, Ольга Карповна! Все исполню, – парень нам слегка поклонился и неуклюже оборотившись, скрылся в коридоре.

Некоторое время мы молча прихлебывали теплый душистый напиток (корицу, что ли туда добавили?), потом я не утерпела, спрашивать начала:

– Красивый юноша. Сколько ему лет, интересно?

Ляпунова презрительно фыркнула:

– Увалень деревенский! Сила есть, ума не надо. Заслонку он починил... А ломал зачем? Ручищи, как колоды. С чего мне его лета считать, он Гришин работник, вот придет братец, могу спросить, ежели вам нужно.

После обеда мы с Ольгой Карповной разложили пасьянс, и по всему выходило, что в скором времени нас ждет большая удача в любви и полное финансовое благополучие.

Первым груздем, тьфу... гостем оказался купец Григорий Артамонов – мужчина дородный и обстоятельный. Откушав рюмочку водки с бутербродом из семушки, он начал расспрашивать меня о пушном промысле и золотых приисках в Сибири. Пришлось соврать, что мы – Третьяковы, разбогатели на мелкой торговле и доходных домах. На вопросах логистики я немного зависла, по счастью в разгар диалога явился чиновник Бабушкин с маменькой, а следом прискакала сваха Акулина Гавриловна.

В гостиной тяжко запахло горящими свечами и одеколоном. Претендента в женихи посадили на диван поближе к Ольге Карповне. На вид Макару Лукьянычу было не более двадцати пяти лет, и он ужасно смущался в отличие от бойкой маменьки. Та обшарила взглядами каждую деталь комнаты, прищурилась на накрытый стол и елейным голоском завела разговор о ценах в столице.

– Это хорошо, Ольга Карповна, что курочки у вас свои, а то ведь по двадцати копеек за десяток яиц торгуют. А свининку не держите часом? На базаре мякоть шейная больше гривенника за фунт идет. Владычица небесная! Как жизнь дорожает...

Я отозвала Анисью в сторонку и выяснила, что гривенник – это монета в десять копеек, а в фунте примерно полкилограмма.

– А какова же ваша зарплата кухарки?

– На пяти рубликах в месяц столковались, – усмехнулась Анисья. – Живу и столуюсь при доме. Всем довольна, нечего бога гневить, сыта и одета, тятеньке в деревню могу денежку послать. Об осени тятенька корову в хозяйство прикупил.

– И почему нынче рогатый скот? – спросила я для расширения кругозора.

– Сошлись на пятидесяти рублях, – похвалилась Анисья, блеснув зубами. – Телка дойная попалась, утром и вечером ведро молока дает.

Я уже хотела деликатно спросить Анисью про возраст и семейное положение, но в прихожей раздался зычный голос Федора:

– Тут господин Перекатов пожаловал. Просят доложить.

Акулина Гавриловна взметнула атласные юбки, залилась соловушкой.

– Входите, Сергей Петрович! Только вас дожидались, голубчик. Что ж вы долго? Котлетки остынут.

В комнату вошел стройный мужчина среднего роста и приятной наружности. Особенно меня умилила темная борода клинышком, видно, что аккуратно подстрижена и приглажена.

Я замешкалась, размышляя, надо ли бежать навстречу и представляться, но Акулина Гавриловна – умница, все сделала сама.

– Знакомьтесь, Сергей Петрович! Это Алена Дмитриевна, наша гостюшка драгоценная. Прошу любить и жаловать. О деле после потолкуем.

Я протянула вперед слегка дрожащую руку. Перекатов обратил на меня лучистый взор карих очей и склонился для поцелуя. Интересный мужчина.

Стали рассаживаться за стол.

Даже Ляпунова немного оживилась, обсуждая с Макаром Лукьянычем тихую охоту, то бишь сбор грибов. Оказалось, господин Бабушкин страстный любитель прогуляться по лесу осенней порой.

– Хочу отметить, что природа в России крайне трогает воображение художника и поэта. Я сам пробовал браться за кисти и слагать стихи-с. Но у господина Фета, конечно, получается гораздо лучше-с. Вы увлекаетесь ли стихами, Ольга Карповна?

– Я Пушкина читаю иногда, – последовал медлительный ответ.

– Так я вам перепишу в книжечку... – ободрился Макар Лукьяныч.

Меня разбирало любопытство. Шутка ли – в одно время с классиками попала.

– Афанасий Фет сейчас в Москве проживает?

Бабушкин недоуменно вздернул плечи.

– Не могу знать–с!

Зато Перекатов тотчас склонил ко мне благородную голову и негромко сказал:

– Достоверно известно, что Афанасий Афанасьевич Фет в Орловской губернии именице приобрел – двести десятин пахотной земли и домик.

– О! – вырвалось у меня. – А вы не желали бы поселиться в деревне? У вас ведь тоже есть имение.

Перекатов звякнул вилочкой о тарелку, приложил салфетку к губам.

– Увы, Алена Дмитриевна, не имею привычки к сельскому быту. Да и усадьба давно заложена. Мужики пьянствуют, управляющий потихоньку ворует. Доходы с Горностаевки совсем мизерные в последние годы. Едва оправдывают квартиру в Москве.

– Какое красиво название – Горностаевка, – восхитилась я. – Надо бы там порядок навести.

– Да где ж нынче толковых работников сыщешь, – пожаловался Перекатов. – Притом, я – человек мягкий, либеральный, а в правлении без железной руки никак.

– А вы пригласите меня к себе в Горностаевку на недельку, – предложила я. – Дорожные расходы и прочие хлопоты оплачу с избытком. Я женщина свободная, состоятельная. После уральской провинции хочется посмотреть столицу с окрестностями. Сами понимаете, одной даме путешествовать боязно и неприлично. Согласитесь быть моим компаньоном, щедро вознагражу. Предлагаю общаться без лишних церемоний, но и не фамильярничать.

Длинными холеными пальцами Перекатов потеревил матерчатую салфетку, нежно погладил перстень-печатку на безымянном пальце левой руки, и улыбнувшись, положил мне на тарелочку самый большой и оранжевый рыжик с общего блюда.

Потом мы выпили по рюмочке коньяка и закусили котлеткой. Дальше беседа несколько стихла, зато вилочки зазвякали громче. В белой пузатой супнице дымилась уха из красной рыбы. Рядом с горкой черного хлеба поблескивали мокрыми боками пупырчатые соленые огурцы на смородиновых листьях. Купец Артамонов то и дело промокал красным платком вспотевший лоб и уплетал разваренную перловку с белыми грибами. Постился изо всех сил, аж за ушами трещало.

Маменька Бабушкина и Акулина Гавриловна шептались, хихикая и перемигиваясь, наверно, обсуждали приданое в случае благоприятного исхода сватовства. Ляпунова задумчиво косилась на зардевшегося Макара Лукьяныча, опускала реснички и кусала губки, прикидывая бюджет супружеской жизни.

Сам жених, вытянув губы трубочкой, осторожно дул на уху и с музыкальным свистом втягивал в себя ароматный бульончик. Потом закрывал глаза, полностью переходя во власть приятных ощущений. Такой же гурман, как Ольга Карповна. Но ведь она старше его лет на девять.

Неужели ради курочек и огурчиков готов связать судьбу с замоскворецкой вдовой? Его собственные большие капиталы только на словах?

И непонятно, понравился ли Бабушкин самой Ляпуновой. Ну, да после посплетничаем...

Званный ужин получился на славу. Но, к сожалению, мне так и не удалось узнать вероятное местонахождение дедушки. Купец Григорий Артамонов не видел его более полугода.

Глава 6. За покупками и в трактир

В семь часов утра, если верить часам с кукушкой, меня разбудило старческое кряхтение за стеной и жалобы на остывшую печь. Потом по коридору зашаркали тяжелые шаги Федора, и скоро в моей спальне тоже стало гораздо теплее.

В девять часов мы собрались в гостиной на чай с калачами и сливками, а дальше, под благословение Пелагеи Ивановны и ленивые напутствия Ольги Карповны дребезжащая пролетка (железные ободы на колесах вместо резиновых) понесла меня к мосту, чтобы на другой стороне реки встретиться с господином Перекатовым.

Я не ошиблась, выбрав Сергея Петровича гидом и компаньоном в моей первой поездке по мартовской Москве. Его шуточные замечания сглаживали унылое впечатление от рытвин и колдобин на мостовой – улицы были полны раскисшего грязного снега в лепешках конского навоза, над которыми весело гомонили воробьи. Весенняя Москва показалась мне деревянной, низкорослой, сырой.

Кругом носились экипажи и такие же открытые коляски, как наша, бородатые кучера покрикивали и свистели кнутами. Народ был одет пестро и разнообразно, нищие в лохмотьях просили милостыню, чиновники в фуражках спешили на службу, чумазые мальчишки – подмастерья в ломаных картузиках сновали с корзинками и мешками, как челноки, крестьяне в лаптях, купцы в чуйках – кого только не было!

Бойкие торговцы зазывали покупателей на все лады:

– Пирогі подовые постные и скоромные, не зевай – налетай! С мясом и яйцами, с семгой и груздями, с кашей и сметками...

– Горячие щи, кислые щи – десять копеек миска!

– Грибки соленые, с лучком, с постным маслицем!

– Морожено хорошее! Сливочно-шоколадное...

– Сбитень горяч, отменно бодрящ! На меду, на клюкве.

По уговору с Ляпуновой мы отпустили Федора с коляской домой, и тут же наняли самого толстого и горластого извозчика на Никольской улице.

– Отвези нас, голубчик, в банк, – значительно молвил Перекатов, поигрывая франтовской тросточкой с античным бюстом в виде набалдашника.

– Куда прикажет ваша сиятельность! – гаркнул богатырь в лохматом зипуне.

Финансовые дела скоро были улажены – на имя Алены Дмитриевны Третьяковой открыт внушительный счет. Но я отметила, с каким удивлением чистые, усатенькие сотрудники косились на мой пуховый платок из дедовых запасов, а также на старенький лисий салоп Ляпуновой.

Поэтому сразу из банка я попросила Перекатова отвезти меня в модный магазин готового платья на Кузнецком мосту, по пути называя все улицы и площади, где будем проезжать.

Так оказались мы в центре Москвы, повидали длинные ряды лавок и подвалов на Тверской и Охотном ряду. Здесь торговали мясом, дичью, рыбой, грибами, овощами, всяким припасом и напитками. Возле открытых бочонков толпился народ, приценивался, торговался.

– Сергей Петрович, можно остановиться, посмотреть, что там продают?

– Извольте, Алена Дмитриевна. Полагаю, грузди соленые, опенки или боровики. А может, и капуста квашеная. Третья неделя сыропуста идет.

– Напомните мне купить клюквенной пастилы для Пелагеи Ивановны, – попросила я Перекатова. – И еще чего-нибудь вкусного к ужину – выпечку, конфеты. Ой, смотрите, какая огромная баранка! Человек ее на шею одел. Настоящая?

– Приказчики на любой фокус идут, лишь бы товарец сбыть, – усмехнулся Перекатов. – Сейчас он с ней по городу гуляет, а вечером пойдет в трактир чай пить.

Мне нравился его мягкий, неторопливый говор и деликатные пояснения.

– Самая блестящая улица Первопрестольной! В глубокую старину на речке Неглинной была слободка мастеров-кузнецов, которые для Пушечного двора трудились, отсюда и название пошло. По преданиям, у боярина Кучки здесь ковали железо, а сейчас червонцы куют – из женских чепчиков, перчаток и шляпок.

* * *

Поспевало время обеда, на улице стало многолюдно, прибавилось нарядных экипажей, мы поехали тише мимо ювелирных магазинов, кондитерских и галантерейных лавок.

– Торты Трамбле, книги Готье... меха, драгоценности, мебель... – вслух читала я огромные вывески.

– Как видите, все иностранные имена, – резюмировал Перекатов. – А вот одна из целей нашего визита. Могу смело рекомендовать вам ателье мадам Жанет-Габриэль.

– Не слишком ли вычурно? – я с сомнением разглядывала в витрине вечерние туалеты в перьях и кружевах от декольтированного ворота до воланов подола. – Разве что по заказу сошьют что-то приличное и удобное.

Перекатов заметно смутился и приятным образом покраснел.

– Простите, Алена Дмитриевна, еще не слишком хорошо изучил ваш вкус.

– Кхм... насчет вкуса... давайте уже переоденем меня и поедем обедать.

«Надеюсь, в ресторанах и меню он разбирается больше, чем в дамских туалетах», – посмеялась я про себя.

Следующий час мы заглядывали в разные магазинчики, пока, наконец, не составили мне минимальный гардероб для барышни 1870-х годов. Под ласковый щебет и комплименты услужливых приказчиков я облачилась в новое голубое платье, идеально сидящее по фигуре, и короткое приталенное пальто серовато-желтого цвета, отороченное енотовым мехом.

На голове моей теперь красовалась круглая шляпка с ненужной вуалькой, а пуховый пла-ток пришлось спрятать в кожаном саквояже, который любезно держал в руках Сергей Петрович.

Еще несколько картонок и пакетов с нарядами, обувью и бельем будет доставлено в дом Ляпуновой, не таскать же покупки по городу.

Желая вознаградить спутника за терпение, я приобрела для него небольшой подарок – brutальное портмоне из телячьей кожи за три рубля, сразу же разложила по кармашкам пачку денежных купюр и серебряную мелочь под замочек.

– Думаю, так нам будет удобно. В ресторане должен расплачиваться мужчина.

– Благодарю вас, Алена Дмитриевна, мне, право, неловко...

– А знаете что, Сергей Петрович? Я устала от блеска и шика, давайте поедем в заведение попроще. Например, какой-то хороший трактир.

– Вижу, вы поклонница русской кухни, Алена Дмитриевна! Тогда наведемся к Тестову, что в доме Патрикеева на углу Воскресенской. Такой знатной селянки и расстегаев больше в Москве не сыщешь. А в ресторанах все больше французские блюда подают – ростбиф и фри-касе, консоме Марго и стерлядь брезе о шампань...

В добрых глазах Сергея Петровича появился мечтательный (или просто голодный) блеск. Очаровательный мужчина! Так бы и чмокнула в причесанную бородку.

Но сначала надо накормить.

О московских трактирах конца двадцатого века, глотая слюнки, читала я когда-то у Бунина в таинственном рассказе «Чистый понедельник». И вот неожиданно-негаданно выпала возможность посетить. Так, не скупись же, Алена Дмитриевна!

На первом этаже заведения у Тестова показалось мне людно и шумно. Народ сидел в верхней одежде, воздух спертый, накуранный, перила лестницы, обтянутые бардовым сукном, нечисты.

Брезгливо поводя тонкими усиками, Перекатов повел меня на второй этаж, где была предусмотрена раздевалка. Дальше мы прошли в большую, высокую залу, заставленную диванчиками и столиками. В глубине залы стоял музыкальный шкафчик, напомнивший мне орган, позже я узнала, что он называется – оркестрион, поскольку имитирует звуки целого оркестра.

Вероятно, проигрывателей с граммофонными пластинками еще не изобрели или до Москвы новшество не дошло. Всею свое время. Я спросила Перекатова о таких личностях, как Федор Шаляпин и Александр Вертинский, но получила отрицательный ответ. Даже если знаменитые исполнители уже родились, известности еще не получили.

Что же касается трактира Тестова – убранство показалось мне совсем простым, на что Перекатов с лукавой усмешкой парировал, дескать «Красна изба не углами, а пирогами». И подозвал пологого, то есть расторопного парня-официанта.

Но это в ресторане он бы звался официант и ходил во фраке, а здесь – просто половой. Все атрибуты на месте – белая рубаха с пуговицами на высоком вороте, повязанная красным кушаком, и взбитый на бок завитой чубчик плюс задорные усики и бритый до синевы подбородок.

– Проводите-ка нас, любезный, в отдельную комнату с фортепьяно! – распорядился Сергей Петрович.

«Приятно командовать, имея портмоне, набитое деньгами».

Нам предоставили отдельный кабинет, посредине стол, накрытый скатертью с кистями.

– Рекомендую начать с селяночки, – сладко улыбнулся Перекатов, и я милостиво кивнула.

– На закуску могу предложить семгу с лимоном, балык и жареные мозги, – начал перечислять половой. – Расстегаи с осетриной и печенью налима...

– Несите все и поскорей! – взмолилась я.

– Слушаюсь, сударыня – с! Что изволите из крепких напитков?

Он косил озорным карим глазом то на меня, то на Перекатова.

– Сергей Петрович, руководите банкетом. Может, шампанское?

– Вина у нас отменные, лучших московских погребов, – нахваливал половой.

Мы заказали шампанское «Редерер Силлери», красное и белое вино, прохладный брусничный морс. Разумеется, напиваться вдрызг я не собиралась, но всего пригубить понемножку – милое дело.

– Здешнюю гурьевскую кашу приезжает пробовать даже знать из Петербурга. Не желаете ли отведать на десерт, Алена Дмитриевна? – соблазнял Перекатов.

Заказали и кашу в сковороде и кусок кулебяки в несколько ярусов.

– Я слышала, в Москве цыганские выступления можно послушать по ресторанам.

– Всенепременно, сударыня! – отвечивал половой. – Иван Яковлевич Тестов собрал лучший хор...

– Со «Славянским базаром» однако же не сравнится, – нежно вздохнул Перекатов.

– Посмотрим и «Славянский базар», – обещала я.

– А не желаете ли раковый супчик отведать, Алена Дмитриевна?

– Нет, увольте! – наотрез отказалась я.

Вспомнила, как дед Егор однажды притащил с реки полведра живых раков с намерением их сварить, но бабушка воспротивилась: «Ползают по дну, едят всякую падаль. Тьфу!»

– Скажите, гражданин, – обратилась я к половому. – Не приходилось вам здесь обслуживать купца или мещанина Третьякова Егора Семеныча. Невысокий, бойкий старичок, может быть на чаевые скуповат.

– Никак нет – с!

– А ты получше вспомни, любезный! – развязно молвил Перекатов, бросая на стол гри-венник.

Половой ловко ухватил монету и скромно воздел карие очи к расписному потолку.

– Знаем Павла Михайловича Третьякова, который картины собирает. И брата его Сергея Михайловича приходилось видать. И Савву Иваныча Мамонтова...

– Ты по делу говори, братец! А сам не знаешь, так поспрашивай других работничков, – тоном заправского сыщика напутствовал полового Перекатов.

– Нам Егор Третьяков надобен, – уныло повторила я. – Торговый человек из Тобольской губернии. Из Сибири, понимаете?

– О таком не слыхали-с. Прощения просим – с! Ежели кто из наших его обслуживал, тотчас узнаю и доложу-с.

– Уж будь проворен!

Грустные мысли о пропавшем дедушке несколько перебили мой аппетит, но глядя с каким наслаждением Сергей Петрович лакомится розовыми ломтиками семги и бутербро-дами с паюсной икрой, я несколько воспряла духом.

Желая окончательно развлечь меня, Перекатов посоветовал заказать пианиста. Что ж фортепьяно будет пустовать? Я опрометчиво согласилась. А потом запоздало представила, что человек будет играть-стараться, пока мы, этикие господа, буженину трескаем под красное вино.

Но в комнату уже явился сутулый мужчина с бледным надменным лицом, припух-шими синими веками, в помятом фраке, из ворота и рукавов которого выглядывала несвежая рубашка. Поклонился нам, не глядя, и важно сел за инструмент. Я не большой знаток музыки, но звуки фортепьяно звучали резко и грубовато.

– Потихе, милейший! – попросил Сергей Петрович.

Пианист обернулся к нам, выпятил нижнюю губу и вдруг вскочил с места.

– Ну, ты и жук, Перекатов! – визгливо вскричал он. – Намедни врал, что с хлеба на воду перебиваешься, за квартиру нечем платить, а сам водишь арфисточек по кабинетам, шампан-ским угощаешь.

Сергей Петрович густо покраснел, скомкал в ладошке салфетку и ломающимся голосом произнес:

– Попрошу даму не впутывать в наши дела!

– Ах, даму! Je vous présente mes excuses, – ядовито проскрипел музыкант, бесцеремонно подсаживаясь к нашему столу.

Обругал или извинился – хрен поймешь, я по-французски знаю всего пару расхожих фраз. Впрочем, с немецким и английским такая же ситуация. Да-а, дама из меня не ахти при таком раскладе.

– Алена Дмитриевна, прошу меня простить. Мы с господином Самарским должны уда-литься для приватного разговора, – Перекатов поднялся со стула, изящным жестом приглашая музыканта к двери.

– Вот уж дудки! Сначала наемся за твой счет. Или вернее за свой. Когда долг отдашь, Перекатов? – буркнул тот, засовывая в рот кусочек красной рыбы, свернутый в скользкую тру-бочку.

– Charmant!

Еще и пальцы облизал с причмоком. Точно, голодный.

– Сколько же задолжал вам Сергей Петрович? – мягко спросила я.

– Самую малость, барышня! – издевательски продолжал Самарский. – Три «зелененьких» да две «канарейки».

– Двенадцать рублей, – торопливо пояснил Перекатов, пряча глаза.

– Не на один обед хватит, – строго заметил Самарский. – Если, конечно, без всяких там арфисточек-финтифлюшек.

– Прекрати паясничать, Алексей! – со страданием в голосе умолял Перекатов.

– Да заплатите вы ему, Сергей Петрович! – попросила я. – И пусть человек поест нормально. Потом тоже спросим за дедушку. Вдруг поможет.

– Вот это другой разговор! – обрадовался Самарский.

Жадно сцапал несколько купюр, будто невзначай выпавших из тугого портмоне Перекатова, и, потирая крупные костистые ладони, с интересом уставился на меня. А потом привстал со стула и, тряхнув волосьями над салатом, эффектно представился.

– Самарский Алексей Павлович – человек свободного звания и творческой природы. Художник и музыкант. Любимец женщин и детей всех возрастов, пропорций и мастей.

– Известный картежник и кутила, – едва слышно добавил Перекатов и ревниво ущипнул себя за правый ус. – Не знал, что подрабатываешь тапером.

– Чистое баловство от скуки, – усмехнулся Самарский. – Но открой уже имя своей милой спутницы.

После возвращения долга, настроение его заметно улучшилось, чего не скажешь о манерах. Я решила пошутить.

– Алена Дмитриевна Третьякова. Хозяйка медной горы и золотых приисков на Урале. Будем знакомы.

За столом повисла красноречивая тишина. Самарский на полпути до приоткрытого рта остановил вилку с соленым грибочком. Потом восторженно глянул на смущенного Перекатова.

– Вот это флеш-рояль! А я-то, грешным делом, решил, что ты с голодухи на службу подался.

Глава 7. Первые кавалеры

Давненько за мной так мужчины не ухаживали. За один московский вечер я наслушалась больше витиеватых комплиментов, чем за все минувшие годы. И взор мой ясный полон тайной страсти и губы сходны розе на заре. И гибок стан и плавные движенья дают простор воображенью.

Самарский театрально воздевал руки к потолку, сопел, как племенной бык, обещал убить Перекатова на дуэли за мою благосклонность и нес прочую околесицу, не забывая прихлебывать дорогое вино и закусывать балыком.

На человека с хорошим аппетитом бывает приятно смотреть, особенно, когда он виртуозно владеет руками. Я смеялась, немного кокетничала и шутила, стараясь не переборщить с алкоголем.

Не забыла спросить и про купца Третьякова из Сибири, но Самарский гордо заявил, что общается только с высокой публикой.

– Которая может оценить истинное искусство, а не цыганские вопли под гитару.

«Видимо, конкуренция музыкантов в трактирах весьма велика!»

Мы начали обсуждать падение нравов и пошлость современного романса, зачем-то вспомнили трагедии Софокла и гибель Помпеи, потом, невзирая на робкие протесты Перекатова, добрались до эротических стихотворений Александра Пушкина.

*– Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, висясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит мир последних содроганий!*

Наконец Сергей Петрович громко икнул, извинился, и не твердой походкой удалился в мужскую комнату, а мы остались с Самарским наедине. Он тотчас вытащил портсигар, развязно закурил, не спрашивая моего разрешения, и вдруг серьезно сказал:

– Хотелось бы внести ясность, Алена Дмитриевна. Сказочку про золотые рудники вы можете и дальше Перекатову толковать, но я-то стреляный воробей – меня на мякине не проведешь. Подозреваю, что вы женщина умная и азартная, любите красиво провести время, деньжата есть на первый случай, но, разумеется, не миллионы. Пф-ф! Наверно, с мужем развод, получили отступные и празднуете. Пару сотен бумажками готовы пустить на ветер. Так почему не со мной?

– Я приехала в Москву искать дедушку. А Сергей Петрович прекрасно знает город, у нас деловые отношения.

– Зачем вообще связались с этим голодранцем? Что в нем фактурного нашли? Неужто поверили в древний княжеский род? Так я разочарую, предок Перекатова всего-навсего хитрый помещик, нажившийся на поставках фуража во время военной компании.

«Нет, господин Самарский, вы не воробей, а самый настоящий гусь!»

Я откинулась на стуле и незаметно поправила тугой пояс платья. «Все-таки с закусками перебрала. Буду так трескать деликатесы, скоро стану копией томной госпожи Ляпуновой.

Ах, да, купить бабуле малиновую пастилу... или брусничную...»

– Понять вас хочу, Алена Дмитриевна – до пяточек, до печенок хочу изучить! Интересный вы экземпляр, – не унимался Самарский, оценивающе разглядывая мои плечи и аккуратный бюст. – Может, бросим здесь Перекатова отдуваться, а сами закатимся в номера? Тета-тет

– Рада, что вы ему полная противоположность, Сережа, – я позволила себе некую фамильярность, но Перекатова она вдохновила на робкий штурм моих покоев.

Я с милой улыбкой преградила ему путь и манерно протянула руку для поцелуя.

«Хороший ты мужик, Сережа, но не орел!»

В номере было тепло и уютно, кровать высокая, подушки мягкие, а снился, конечно, каламбур – какие-то бородатые кентавры в зипунах собирались меня похитить без цели выкупа. Поэтому проснулась я поздно от колокольного перезвона за окнами, в чудесном настроении, одеваться и причесываться горничная помогала, после чего мы с Перекатовым напились кофе со сливками и теплыми булочками. На подносе была также пара бисквитов, ветчина и холодное мясо.

С видом знатока Перекатов заявил, что только англичане-зануды завтракают ростбифом, а русскому человеку и хлебушек с вологодским маслицем подойдет. Тем более, выбор большой: ревельский и с тмином, филипповские сайки с изюмом, крендельки с маком. За один присест всего не попробуешь.

Плотно позавтракав, я предложила заглянуть в книжные магазины, дабы ухватить пару журналов или календарей, освещающих текущие события в стране. Не желаю больше попадать впросак, как в случае со столицей. И вообще, интересно знать, что сейчас пишет Ф. М. Достоевский и как поживает Лев Толстой.

От мысли, что могу воочию увидеть великих писателей, у меня дыхание перехватило и сердце забилося часто, я отодвинула молочник, схватила Перекатова за рукав и начала страстно расспрашивать. Оказалось, Сергей Петрович знаком с романом «Война и мир» поверхностно и отнюдь не в восторге от прочитанного.

– Не пойму, чего некоторые наши критики его превозносят. Половина книги пустая болтовня кумушек и маменек, девичьи выдумки и мечты, а известные генералы выписаны скупо и картинно. Ну, как граф Толстой может знать, о чем думал Наполеон в ходе баталии? И язык, осмелюсь заметить, тяжеловат и многословен излишне. Я больше расположен к историческим сочинениям господина Загоскина. Вот там простота и ясность вкупе с глубинным народным чувством. К тому же сюжет увлекает с первых страниц.

Так же равнодушен остался Перекатов к «Преступлению и наказанию», но из его придирчивых реплик мне удалось выяснить, что Федор Михайлович недавно вернулся в Петербург из длительной заграничной поездки, по слухам очень стеснен в финансах, а потому затворился в комнатах и на спор второпях творит новую книгу для строгого издателя.

– Надо же человеку семью кормить! – важно заметил Перекатов.

Оставив литературную тему чуть в стороне, мы обсудили репертуар Малого театра, где сейчас с успехом шли пьесы Островского, Мольера и Шекспира, а также разного рода водевили с оперетками. Я призналась в намерении посетить цирк и театр, поехать по музеям и выставкам, разобраться в культурной жизни Москвы начала 70-х годов XIX века.

– Хочу в Кремль и Китай-город, а еще Сухаревскую башню посмотреть, слышала, там до сих пор бродит призрак шотландского колдуна Брюса, сподвижника Петра Первого.

Планировала я шумно и эмоционально, смеялась и бурно жестикулировала...

Перекатов неустанно следил за мной бархатными карими глазами и отчего-то грустно вздыхал. Наверно, у меня волосы опять растрепались или крошки на губах. А, может, щипчики для сахара не в той руке держу. Ничего, еще научусь тонкостям этикета.

Глава 8. Непростая задача

Двое суток зажигали мы по городу на извозчике и пешком, посетили много памятных мест, отведали вкусных блюд – названия и рецепты я даже пыталась записывать в книжечку, чтобы после с Ольгой Карповной обсудить. Нарядов я себе еще прикупила, тонкого белья и расшитых сумочек. Короче говоря, отвела душу.

И правда, великое женское удовольствие с шиком зайти в ювелирный салон и не спеша разглядывать разложенные на красном бархате серьги, крестики, колечки, перстни, диадемы, колье, бусы белого, черного и розового жемчуга.

Благосклонно выслушивать вежливые пояснения приказчиков.

– Осмелюсь обратить ваше внимание, сударыня... Кольцо старинное с изумрудом, россыпь бриллиантиков по краям-с. А это подвеска с александритом, вы верно знаете, что камень назван так в честь императора Российского престола. Желаете примерить?

– Нет, лучше покажите тот браслет в египетском стиле! Какой насыщенный цвет...

– Лазурит, сударыня, в Европе его почитают за камень любви – с. Приносит удачу в делах амурных и навеивает высокие помыслы. Недаром колонны иконостаса Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге сделаны из бадахшанского лазурита, который еще царица Екатерина Вторая приобрела по цене фунт серебра за фунт камня.

Далее элегантный черноусый приказчик поведал нам историю открытия топазов на Урале и рубиновые страсти в Африке. Пока меня убаюкивали сказками, Сергей Петрович пил кофей за столиком и читал газету.

Я придиричиво осмотрела витрины и, наконец, выбрала себе несколько дорогих изящных вещиц, которые в любую эпоху не потеряли бы актуальности.

Ближе к обеду воскресного дня, нагруженные коробками и свертками, мы вернулись в сонную заводь Замоскворечья. Двор Ляпуновой изрядно раскис под мартовским солнцем и потому Федор с Васей застлали его свежими досками. На одной из них я чуть не оступилась, пришлось Васе топор бросить и меня за локоток поддержать.

А впереди-то лужа... Я растерялась ненадолго, Вася подхватил меня за талию и одним взмахом вместе с пакетами перенес на сухое. Успела только длинные опущенные ресницы заметить да поджатые обветренные губы.

Мальчишка совсем, едва усики пробиваются. Наверно, и целоваться не умеет. Взяло меня озорство. Я на цыпочки поднялась и чмокнула Васю в щеку.

– Ох, спасибо, выручил!

– Да не за что, барыня, – смутился он, краснея как маков цвет.

А сзади уже Федор подбадривал густым тенорком:

– Ты Васятка не робей, будут ночи веселей!

Перекаатов только досадливо сопел, прижимая к груди саквояж с подарками.

– Догоняйте, Сергей Петрович! – весело вскричала я, забегая на крыльцо.

Весь мир хотелось обнять, до того кровь разгорелась.

– Ольга Карповна, миленькая, здравствуйте! От дедушки моего Егора Семеныча не было ли вестей?

– Удивляете меня, Алена Дмитриевна! – нараспев протянула та. – Я и вас-то со вчерашней ночи не жду. Ну, да, я в няньки не нанималась, мне бы вовремя за комнату платили, а дальше своя голова на плечах. Гуляйте, где вздумается...

– И с кем сердечко велит! – хихикнула из-за плеча Ляпуновой сваха Акулина Гавриловна. «Весь бабский комитет в сборе!»

И не только бабский, оказалось. В гостиной слышалось бряканье гитары, а смутно знакомый тонкий голосок напевал строки романа:

*Ты спросила сегодня с укором,
Отчего я при встрече молчу,
Так пойми, что пустым разговором
Оскорбить я тебя не хочу...*

Похоже, за время моего отсутствия Макар Бабушкин значительно укрепил свои позиции в сонном царстве. Я сразу заметила, что без маменьки он чувствовал себя гораздо свободней. Пиджачок серенький расстегнул и фиолетовый галстук расслабил, завитой чубчик лихо на бок заломил.

Я попросила освободить стол от карт (пасьянс опять сложился идеально) и начала выкладывать сюрпризы.

– Ольга Карповна, надеюсь, вам будет интересно полистать эту кулинарную книгу. Роскошное издание Елены Молоховец «Подарок молодым хозяйкам». Второе издание, прошу заметить! Дополненное и расширенное. Расходится по Москве, как горячие пирожки.

– Там и картинки есть? Благодарю за заботу, Алена Дмитриевна, очень любезно с вашей стороны. Я право, не ожидала.

Но я уж по глазам вижу, что угодила.

– Акулина Гавриловна! Корзина деликатесов для вас, а в коробке шаль. В остальном сочтемся бумажками. Бабушку Пелагею зовите, скорей к столу. Тут пастила клюквенная и яблочная, на смородине и малине... Анисья! Держи платок. Макар Лукьяныч, как поживаете? Вам могу предложить бутылочку хорошего вина. Надо же отметить выходной! А потом нам еще сыграете? Очи черные, очи жгучие, очи страстные и кипучие...

Создала я веселую суматоху, Анисья бросилась подогреть московский термопот, то бишь самовар обыкновенный, Ольга Карповна – не из тучи гром – углубилась в книгу рецептов, Перекатов подсел к Бабушкину, начал с умным видом какие-то казенные дела обсуждать. Ничего нового – «в департаментах сидит одно жулье, деньги ворует, а на дорогах ямы».

Чтобы отдышаться немного, я подошла к окну, где была посажена резеда в плошках. Душа праздника просит, а на дворе Вася доски таскает в заплатанной рубахе и стоптанных сапогах.

Акулина Гавриловна погладила мою спину пониже лопатки и горячо зашептала на ушко.

– Коли приглянулся соколик, так недолго и в гнездышко присадить, перышки потрепать. Хороши перышки-то, русые, густые, хоть и нечесаны...

– О чем вы? – усомнилась я.

– Да вот молодец один под оконцем топчется, совсем его хозяин работой замаял, а плата невелика и ту Вася в деревню матери отсылает. Ежели бы кто его приголубил да денежкой одарил. Ежели бы нашлась какая славная барыня... уж в долгу б не остался, думаю. Парень чистый, тихий, благодарный.

– Акулина Гавриловна, это нехорошо. Да зачем же? Даже не представляю, – ахнула я.

– И-и, голубушка ты моя, при твоих ли капиталах скучать и жеманиться! Ты лишь глазочком моргни, я тебе Ваську завтра же на золотом блюде доставлю. Хоть ножом режь, хоть сырым ешь. Все в твоей власти, душа моя.

– Зря вы затеяли это разговор! А денег я ему и так дам.

– Так зачем же так, если можно за службу легонькую, – поразилась сваха. – Ты ж у нас красавица писаная, ладная, манкая, словно картинка, не какая-нибудь старая розвальня. Да Ваське за счастье у ног твоих белых посидеть, не говоря уж чего другого.

– Вижу его третий раз в жизни! – натянута рассмеялась я. – И потом, у меня Перекатов есть.

Тут Акулина Гавриловна всерьез удивила. Подперла острый подбородочек ладонью и, ткнув меня в бок сухим кулачком второй руки, проворковала со знанием дела:

– Чего с Сергуни Петровича взять – одного форса на гривну да нежных вздохов на алтын. А я тебя, голуба, вижу насквозь. Тебе не коняшка цирковая нужна в ленточках с кружевами, а рабочий жеребчик с литой шеей да крутым норовом. Пусть без гривы надушенной, но чтоб на ногах крепко стоял и скака без роздыху.

При таком сравнении меня смех разобрал. Акулина Гавриловна подпрыгивала, утирая глаза платочком.

Я обняла ее за плечи и шутливо сказала, желая прекратить разговор:

– Так найдите мне надежного рабочего жеребца. Чтобы без обмана и изъяна. И чтобы не в карман мне глядел, а куда повыше.

Сваха приняла пожелание всерьез, сразу посуровела.

– Непростая задача, но выполняемая. Ради твоего удовольствия все средства применю, ягодка моя спелая!

– О чем вы все долгие разговоры ведете, Алена Дмитриевна? – подал голос Перекатов. – Идите уже к нам, украсьте собою беседу о высокой поэзии. У нас с Макаром Лукьянычем вышел спор о творчестве Некрасова Николая Алексеевича.

– Не можете рассудить, кому на Руси жить хорошо? А мы породы лошадей обсуждаем, – невинным тоном ответила я. – Кто более пригоден к бою, а кто к параду.

– Не прост вопрос, – значительно нахмурился Бабушкин, следя за плавными движениями рук Ольги Карповны, протиравшей бокалы.

Вечером, при свете керосиновой лампы, в благодарность за привезенные лакомства, бабушка Пелагея поведала мне старинный рецепт настоящего русского сбитня. Не надеясь на свою память, по складам прочитала записи в ветхой тетрадке:

– Следует взять по хорошей щепотке шалфея, зверобоя и буквицы, горсть клюквы, фунт меду, а также перцу и имбиря по изволению, наливши все это добро в кружку воды, поставить на огонь и дать кипеть, снимая при этом пену, потом, словя клюкву, передавить оную в чашке, и процедя туда же, опять вскипятить.

– Да полно вам, сбитень завсегда был напиток бедняцкий! – вдруг заважничал охмелевший Бабушкин.

– Зато пользительный! – огрызнулась беззубым ртом бабушка Пелагея. – Если в него лаврушку или корень валерианы покласть – лучший сонный настой. И тело и душу лечит.

Поймав мой заинтересованный взгляд, Перекатов тоже вступил в беседу.

– А вот я слышал на Хитровом рынке о прошлом годе был случай. Сам граф Лев Николаевич Толстой на свои деньги купил горячего сбитня и даром народу раздал.

– Графьям чего б не чудить, если доходы позволяют! – брякнул Бабушкин, на что глуховатая Пелагея Ивановна вдруг спросила:

– А ты, батюшка, часом не вольтерьянец будешь? Каковской ты веры, не могу тебя разгадать. С виду типичный русак, а речи несешь смурные. Неделю ходишь, даром чаи распиваешь, на струнках брянчишь, а проку пока ни на грош не видать.

За столом повисла неловкая пауза, я кусала губы от смеха, с трудом сохраняя степенный вид. Ольга Карповна шурилась, как сытая кошка на сметанку. Акулина Гавриловна бросила игральные карты, погладила Бабушкина по взлохмаченной голове и грудным материнским голосом произнесла:

– Да светик наш хоть сейчас готов под венец, ждем высочайшего решения!

Все взоры тотчас оборотились на Ляпунову, а та нарочно приняла жалобный вид.

– Мы, женщины, пол слабый, малорассудливый. Нам нельзя поспешные решения принимать, а то недолго успокаяться.

– В этом вы очень правы, дражайшая Ольга Карповна, – с чувством заметил Макар Лукьяныч, подсаживаясь к ней на диванчик и довольно смело беря ее за голую до локтя полную руку. – Торопливость нам ни к чему. К тому же приданое еще не обговорено, перины не считаны...

– Куры не щупаны, – в рифму пробормотала я, и Перекатов игриво стрельнул в меня глазками.

– Проказница вы, Алена Дмитриевна! Сердце тает, глядячи на вас.

А потом коснулся губами оборочек моего платья на плече и добавил вполголоса:

– Неужели вы намерены киснуть в этом мешчанском захолустье с разговорами о сбитне и квасе? Прикажите найти для вас роскошную квартиру в центре Москвы. Можно обделать ее на европейский манер, устраивать интересные встречи и музыкальные вечера. Я познакомил бы вас с образованными, солидными людьми.

Наверно, я была немного пьяна и раззадорена мужским вниманием, если уверенно заявила Перекатову:

– Зачем квартиру снимать? Подыщите мне, Сергей Петрович, приличный домик с небольшим садом в тихом районе города не так далеко от центра, если мне понравится – я его куплю. Хочу быть сама по себе хозяйкой, а то в дедушкины комнаты здесь уже и покупки сложить некуда. Пока Егора Семеныча Третьякова не сыщу, хода мне из Москвы нет.

– Будем искать, Алена Дмитриевна, я уже наметил план, – утешал Перекатов, деликатно расправляя оборочки на моем плече.

– Да и куда воротиться? – расчувствовалась я. – Экология в будущем неважная, кругом притеснения и нападки, маменька надежно пристроена, у меня самой ни ребенка ни котенка – эх!..

Дабы не наговорить лишнего, я схватила со стола кружечку чая (2 руб. 50 коп. за фунт, то есть примерно 400 г. в лавке купца Артамонова).

А что? Заведу домок-теремок, найму прислугу, куплю фортепьяно, в женихах буду как в сору рыться, каждый месяц новая интрижка. Скукота и транжирство. Нет, гложет душу тревога, не дают покоя третьяковские гены. Этак нерасчетливо можно капитал промотать. И неизвестно, вернусь ли в свое время. Надо вложить средства в какое-то надежное производство.

Может, чаем начать торговать? Или открыть книгоиздательство, переводить хороших иностранцев, просвещать Отечество, как мечтал господин Разумихин, товарищ Родиона Раскольникова.

Пока я думала да гадала, Ольга Карповна предложила завтра навеститься к родственнику в лавку.

– Грише новый товар поступил. Как раз в доме нехватка перца и корицы. Еще крупчатки надобно закупить на лето.

– Говорят, завтра в лавке самого Зарубина ждут, – уважительно сообщила всезнающая Акулина Гавриловна.

– А кто такой Зарубин? – небрежно спросила я, ожидая, пока чай в блюдце маленько остынет.

– Эге! – присвистнула сваха. – Хороша рыбка, да не по нашим зубам.

– А что так?

– Больно ершист. Уж каких невест я ему не предлагала, каким приданым не сманивала – белые зубы скалит да в лицо мне смеется. «Все это, говорит, суета, Акулинушка. Я плачу только за первый сорт». Вот он каков, Илья Гордеич Зарубин. Статен и красив, оборотист и речист, деньжата водятся, но уж характер больно извилист. Ушкуйники новгородские в роду, так чему удивляться? А батька по слухам, в лесу с кистенем купчиков сторожил. С таким-то наследством боязно и соваться.

– Как бы нам познакомиться, – улыбнулась я.

– А завтра я вас сведу, – обещала Акулина Гавриловна. – Только сразу скажу, дело это пустое.

Глава 9. Зарубин

Поутру на свежую голову я сделала ревизию объемной дорожной сумки, с которой провалилась в прошлое и, тщательно проверив все карманы, извлекла на свет следующие полезные предметы: пачку женских гигиенических принадлежностей, коробочку с таблетками (антибиотик широкого спектра), полупустой спрей от насморка, пару жевательных подушечек «Дирол», блокнот с ручкой и мятую карамельку «Лимонная».

Из всего этого богатства больше порадовалась таблеткам, по крайней мере, в первый раз чахотку переживу, а вообще, можно свести знакомство с учеными, намекнуть им про антибактериальные свойства пенициллина, который только в 1942 году начнут производить в лечебных целях отечественные микробиологи.

Дом Ляпуновой медленно просыпался. Пригретый солнышком, в гостинной радостно защибетал чирик, с крыши побежала звонкая мартовская капель.

После чаепития с сушками и вареньем из крыжовника отправились мы за покупками в бакалейную лавку купца Артамонова. По мокрой, грязной дороге Голутвинского переулочка попался нам двухэтажный дом с виду ничем не приметный среди похожих особняков в окружении голых деревьев, но Ольга Карповна пояснила, что здесь проживают мои однофамильцы – собиратели картин купцы Третьяковы.

– Да, вроде бы, не родня, – с сожалением вздохнула я. – Сомневаюсь, чтобы дедушка с ними дружбу завел. Может, Сергей Петрович наведет справки, обещал помочь.

На возвышенности у реки стояли лабазы и торговые ряды. По соседству красильня и сапожная мастерская. Пока коляска наша заезжала во двор Артамоновых, я услышала на улице пронзительный детский крик и попросила Федора остановиться.

– Что там случилось? Ребенок плачет.

– А-а, не наша забота, – отмахнулся кучер.

У меня же было другое мнение. По настилу из досок я быстро вернулась к воротам и увидела на улице жуткую картину. Оборванный мальчишечка лет десяти, прикрывая голову руками, бежал от разъяренного чернобородого мужика с деревяшкой в руке. Тот базлал диким голосом на всю округу:

– Язви те холера, чертенок! Я те покажу, как добрую кожу портить. Вернись, шельмец, а то с самого шкуру спушу на ремни.

На моих глазах мужик мальчика догнал, крепко поддал под тощий зад сапожищем и, уронив беднягу на осевший сугроб в канаве, принялся колошматить. Я заметила босые, черные, израненные в кровь детские ступни и закричала, насколько хватило сил:

– А ну, прекратите! Хватит! Не смейте ребенка бить.

Мужик оставил свою жертву, выпрямился во весь рост и, переводя дыхание, сипло рявкнул:

– Вам чего надо? Идите своей дорогой, барыня.

Но я смело встала перед ним, уперев руки в бока.

– Вы в полицию захотели? Я сейчас вызову врача, на ребенке живого места нет. Вы ответите за насилие.

Мужик выпятил грудь в красной рубахе и тоже пошел на меня гоголем, грозно шевеля лохматыми бровями.

– Данька-черт в моем доме служит и пакостит. Имею полное право учить его батогоми. А тебе, барыня, добром говорю, не суйся.

– Ага, счас! Так я тебе позволю человека калечить.

Зажав в горсти подол, я присела к мальчику и тронула его за лохмотья на плече. Сквозь драную одежду виднелись обширные синяки на худом тельце.

– Тебя зовут Даня? Вставай потихоньку, больше никто не обидит.

Еще немного и зареву, так его жалко. Часто моргая сквозь слезы, я присела к мальчику, помогая подняться.

– Пойдем к нам.

Но не тут-то было... С грозным рычанием чернобородый схватил Даню под мышку, как сверток с бельем и потащил по дороге, откуда начиналась погоня. Я помчалась следом, уже не стесняясь в выражениях.

– Ты что творишь, изверг? Еще крест православный надел! Сам ты черт, скотина безмозглая. Оставь ребенка! Ему нужно оказать помощь.

– Не лезь, дура – зашибу! Уйди, припадошная!

Я беспомощно оглянулась, ища поддержки, но у ворот Артамонова бесстрастно взирали на нас незнакомые люди в рабочей одежде, а самой Ольги Карповны и Анисьи не было видно, наверно, в лавку зашли.

Пару мгновений я колебалась, куда бежать за подмогой, потому что отдавать Даньку злодею с бородой совсем не хотелось. Он же его домой принесет и еще отдубасит со злости. На худой конец прослежу, разужнаю адрес и придумаю, как позже вызволить мальчика от этого Карабаса.

Не успела и пяти шагов сделать по размокшей колее, как из соседнего двора вышел высокий статный мужчина в сером двубортном пальто и белой фуражке, надвинутой низко на лоб.

– Стой, Филипыч! – зычно обратился он к бородатому мужику. – Погоди маленько, есть разговор.

– Некогда мне балакать с вами, Илья Гордеич! – уважительно поклонился тот. – Работа стынет, ученики заказы портят, да тут еще полоумная привязалась.

– Сам полоумный! – возмутилась я. – Что там Даня напортил, я заплачу. Отдайте мне мальчика.

– Чего-о? – промычал мужик, в удивлении обернувшись ко мне.

Опять дрогнули у него в лапах тонкие детские лодыжки, поникла белесая головенка на длинной шее. Ну, точно цыпленка тащит в котел.

– Мальчика отдайте мне... – прошептала я, еле дыша от возмущения и обиды. – А то хуже будет.

– Глянь, какая цаца! – начал было бородатый, но Илья Гордеич властно положил ему ладонь на плечо.

– Парень тебе родня или в ученье взял?

– Из Жуковки прислали под Рождество, слезно просили пристроить к серьезному делу, а какой с него прок? Бестолочь неумелая. Только кожу портит, – нехотя проворчал мужик.

– Дяденька, отпустите домой к бабушке, ради Христа, – слабо прошелестел мальчик. – Я летом в подпаски пойду или сапоги чистить приказчику, все до копейки вам верну. Нету мочи моей в городе жить, совсем пропадаю.

– Молчи, зараза!

– Ты вот что, друг, прямо скажи, сколько он тебе стал за все время? Посчитай урон и на прокорм до лета прибавь. Я сам когда-то был подмастерьем, науку эту на своем горбе до конца дней запомнил, так рассчитаюсь сейчас, как за младшего братишку, – спокойно предложил Илья Гордеевич.

В голосе его была нерушимая сила и уверенность, а сзади с его двора уже подходили два дюжих работника, лузгали семечки с вальжной ленкой, шурились, примерялись. Встали за спиной хозяина, как верные псы, одно слово и вцепятся обидчику в глотку. С таким не поспоришь.

Мужчины рядились между собой, будто меня не замечая, а я смотрела то на Данькины синие ручки, то на красную рубаху бородача, то на строгий профиль неожиданного заступника.

И вдруг догадавшись, что мальчика хотят все же унести в сапожную мастерскую, от волнения ухватила за рукав Илью Гордеевича.

– Нельзя его возвращать этому злодею!

– Да вы кто сами будете? Вам он на что сдался?

– Я – Алена Дмитриевна Третьякова, живу в гостях у Ляпуновой Ольги Карповны в Голутвинском переулке. А мальчика мне жалко безмерно. Я бы его взяла себе на... на воспитание...

Дальше не успела придумать и даже до золотых приисков не дошла, просто этот Илья Гордеевич посмотрел с такой ехидной всезнающей усмешкой, что нахлынула странная не свойственная мне робость.

– Купец 1-ой гильдии Зарубин Илья Гордеич. Вот и познакомились.

– Так это у вас в роду были ушкуйники новгородские? – невпопад брякнула я.

Он коротко хохотнул, приподнимая двумя пальцами узкий козырек фуражки, и снова пробежался по мне с ног до головы изучающим наглым взглядом.

– Слухами земля полнится. Да я не против, коли байка складная. Даже на пользу идет.

У меня сердце замерло и сладко задрожало. Глаза у него были не то серые, не то голубые в опушке длинных черных ресниц под черными же густыми бровями, а зубы белые, ровные и ямочка на подбородке. Да бог с ними с глазами и зубами, меня почему-то ямочка зацепила. Я из всего зарубинского облика только ее и разглядела хорошенько. И губы еще – полноватые, четко очерченные, выразительные...

– Еще разик спрошу, на что вам дался малец? Понянитесь с ним недельку, а потом, как паршивого кутенка прочь со двора? Так дело не пойдет, парень вам не забава. Пусть у Филиппыча живет, приучается к работе, а я договорюсь, чтобы мастер больше его колодкой по затылку не бил.

– А... а навестить его можно завтра? – робко спросила я. – Пряников принесу, игрушек, мази от синяков. Ботиночки куплю, а то что ж он босой по снегу...

Чернобородый мужик с досадой смачно сплюнул на обочину и, поудобнее закинув живую ношу на плечо, пошагал к дому. Сам Даня уже криво улыбался, одной рукой обнимал хозяйина за толстую багровую шею, а другой размазывал по щекам сопли со слезами и мне махал так, что душа разрывалась.

– Данечка, я завтра к тебе приду! Никто больше тебя не тронет.

«Все равно найду способ ребенка забрать и перевести в надежное место. Крепостного права больше нет, не позволю мучить мальчишку».

– Чувствительная вы натура, Алена Дмитриевна! – раздался над ухом низкий волнующий рокот.

Но после краткого замешательства ко мне уже вернул здравый ум и склонность к игривой иронии.

– А разве вам Даню не жалко? Тем более, намекнули, что сами в его шкуре бывали?

– У вас слух отменный и глаз зоркий, – деланно поразился Илья Гордеевич.

– На здоровье не жалуясь, – парировала я. – А про вас слышала от Жигаловой Акулины Гавриловны. Будто вы самый скользкий судак в ее жениховском решете. Она уже и надеяться бросила, что сыщет для вас невесту. Ну, да это меня не касается, своих дел полно. Подскажите, Даня в том черном домишке живет? Я обещала навеститься и проверить, так слово сдержу.

– Сдержите непременно, если не забудете до утра, такое с барышнями часто бывает. А пока что у вас носик озяб, Алена Дмитриевна, не желаете ли чайком угоститься, кажется, только вас и ждут, – снисходительно заявил Зарубин, указывая на Анисью и Федора, идущих нам на встречу.

– Может, и вы загляните на огонек к Артамоновым, – как можно равнодушнее пригласила я.

– По соседскому торговому делу отчего ж не зайти, – ухмыльнулся Зарубин, подставляя мне локоть.

Я не сообразила, что надо за него ухватиться, гордо пошла впереди и забрызгала подол, промочила ноги в луже, так Зарубин мигом догнал и теперь уже сам взял меня под руку.

– Осторожнее, Алена Дмитриевна, куда вы бежите? Я ведь не кусаюсь, хотя вы меня и назвали судаком, а это рыба хищная, прожорливая. Не одними пескарями живет, может и окунечка словить, и плотицей закусить.

– В рыбе я не очень разбираюсь, а вот с разными людьми общаться приходилось.

– Откуда же вы к нам прибыли, Алена Дмитриевна? Говор у вас отнюдь не московский.

– Издалека я, Илья Гордеич, из самой Сибири, куда при царе декабристов ссылали.

– Это каких же декабристов? – нахмурился Зарубин. – Тех, что хотели царя-батюшку свергнуть да смуту в стране учинить?

Я задумалась в опаске снова тронуть неловкую тему.

– Ну, Трубецкой, Муравьев, Якушкин... Они в Тобольской губернии у нас школы открывали, музыкальные студии.

– Слышал! На Урале у меня знакомец хороший остался – Савва Геннадьевич Васильков. Не приходилось встречать? Женился летом, красавицу строптивую за себя взял, повез на перевоспитание в деревню. А вы, что же, путешествуете одна?

Я не стала мутить воду и петлять, как заяц от охотников, выложила все, как на духу, раз пошел промеж нас честный разговор.

– С мужем мы расстались по причине моей бездетности. Я финансово обеспечена, скучать не привыкла, захотела после провинции посмотреть большие русские города да сыскать пожилого родственника. Не слышали среди торговых людей о купце Третьякове Егоре Семеновиче? Среднего роста, плотный, подвижный... Раньше гладко брился, а теперь, кто его знает, восемь лет прошло, как пропал. И печальней всего, сам не спешит найтись.

– Третьяковы – фамилия известная...

– Илья Гордеевич! – я забежала вперед и умоляюще сложила руки перед собой. – Вы везде бываете, много людей встречаете, вдруг узнаете что-то про моего деда, так не поленитесь весточку подать, хотя бы через Артамонова и Ляпунову. Я, может, скоро от них съеду, но связь буду держать исправно. Мне любая зацепочка важна.

Зарубин сперва осторожно, словно боясь обжечься, коснулся моих запястий, а потом энергично принялся растирать холодные ладони.

– Солнце палит с утра, а вы дрожите нещадно! Нежная, знать, натура. Успокойте, ну, право – найдется ваш дед, коли жив. Алена Дмитриевна, я человек простой, не обижайтесь на прямоту.

Не отпуская моих рук, он поднял голову и крикнул так, что у меня чуть уши не заложило.

– Ефи-им! Вели Антону Терентьичу скорей на стол накрывать да хорошего чайку пусть заварит покрепче. Будем гостюшку из Сибири московскими пирогами греть.

Глава 10. У самовара

Пока Ольга Карповна выбирала продукты и советовалась с братцем насчет будущего замужества, Зарубин привел меня в местную столовую, которой заправлял его старый приятель Антон Терентьич Перлов – большой знаток русских самоваров и китайского чая.

В первой большой комнате обедал народ попроще – ямщики и разнорабочие, во второй потели над стаканами приказчики и мастера, мелкие купцы.

Матерые волки торговли вроде Григория Артамонова и Зарубина приглашались в отдельный кабинет, угощения подавал им сам хозяин – пожилой, степенный старичок с добрыми, лукавыми глазами.

В горнице было жарко натоплено, пахло мытыми полами, апельсиновыми корочками и хвоей. Я шмыгнула носом и вслух отметила этот приятный факт, а Зарубин пояснил, что Антон Терентьич из староверов и на дух не переносит табака, а также не терпит пьянства и разгула. Потому в его заведении всегда чистота и порядок. Люди его уважают.

– Располагайтесь, Алена Дмитриевна! Вот сюда, поближе к нашему водогрею.

– Как забавно вы называете самовар, – улыбнулась я Зарубину.

Мне захотелось эрудицией блеснуть.

– А вы знаете, что первые самовары в России стали выпускать на уральских заводах Демидова?

– А не в Туле часом? – усомнился Зарубин, приглаживая волосы у зеркала в ажурной раме на стене. – Бывал я у одного тамошнего купчика в гостях, так целую коллекцию самоваров видел, разного качества и и форм. И медные яичком и цилиндрические на лапах звериных, и позлащенные репкой... Но чая вкуснее, чем у Терентьича нашего пивать не доводилось. Да скоро сами узнаете!

На краю стола, на круглом расписном подносе пылал жаром высокий, серебристый сосуд, поверх которого примостился фарфоровый заварочный чайник с широким горлом.

– Сосновыми шишечками топлен, оттого особенно духовит и здоровью полезен, – похвастался Антон Терентьич, ставя передо мной блюдо с пирогом.

– Курник ныне хорош удался. Как чуял дорогих гостей, в шесть слоев начинку собрал.

Также на столе скоро появились соленые огурчики и грибки, сырная и колбасная нарезка, розоватые ломти окорока.

– «Ерофеича» не угодно ли по стопочке для аппетита?

Зарубин милостиво кивнул и вопросительно покосился на меня.

– А что за напиток? – невинным тоном спросила я, делая вид, что люблю мягкими бубликами в медовой глазури.

– Настоячка горькая травяная. По легенде этим средством некий лекарь-самородок графа Орлова исцелил от желудочной тяжести. И пошла о ней слава по всей Руси.

– Надо попробовать, – вдохновилась я. – Какие же травы входят в состав?

– Любопытная вы женщина, – похвалил Зарубин, – во все вникнуть желаете. А давайте мы Антона Терентьича сейчас спросим. Мил человек, хватит тебе хлопотать, посиди с нами, побеседуй.

– И то ладно!

По словам хозяина чайной единого рецепта «Ерофеича» быть не может, поскольку в него кладут «травы местные, где какая растет и от земли силу имеет».

– Китайскую траву (женьшень) брать можно, а сойдет и наш зверобой, и калган с ромашкой, полынь и анис. Травку следует измельчить и залить чистым спиртом иль самогоном, крепко закупорить и взболтать, далее поставить недельки на две в прохладное темное место, процедить через холстину.

Как и следовало ожидать, для меня «ерофеич» оказался чересчур крепким, потому Зарубин велел принести еще фруктового ликера к чаю. Но и того я лишь пригубила, не шел у меня из ума Данька-подмастерье.

– Илья Гордеевич, как бы мальчику с нашего стола послать бубликов и кусок пирога?

Зарубин посмотрел на меня строго, без привычной всезнающей ухмылки.

– Надо же, памятливая барышня... Я распорядюсь!

Только мы начали пробовать угощенье, как за дверьми послышался шум и возмущенный женский голос. Немного погодя в комнату протиснулась Акулина Гавриловна в щегольском капоте и ярком платке на плечах. Увидев меня, тотчас всплеснула руками, и заговорила с наигранной радостью:

– Фух, запарилась! Ну, слава те Господи, нашлась пропажа! А уж я их по всему берегу рыскаю, Ольга меня напугала, мол, куда Алена Дмитриевна, задевалась... Илья Гордеич, светик, дозвожь водички хлебнуть, не дай пропасть христианской душе.

– Уж коли пришла, садись, матушка, места всем хватит! – сдержанно пригласил Зарубин.

– Благодарствую!

– Да отведай наливочки, огурчиком закуси.

– А вот пряники заварные к чаю, – гостеприимно поддакнула я, нисколько не жалея, что наш тета-тет с Зарубиным нарушился. Беспокоят меня его разбойничьи очи, тревожат сердце.

– Спасибо, – поклонилась мне Акулина Гавриловна, – губа-то не дура, язык не лопатка, знает, где сладко. Но и от «ерофеича» не откажусь.

Надо признать с Жигулиной наш разговор бодрее пошел. Илья Гордеевич за чашкой чая даже деловыми планами поделился, дескать, приглядел в Подмоскovie заводик фарфоровый, да владелец высокую цену ломит.

– Мне бы партнера надежного в долю взять, уж я бы развернул производство. До чего ж обидно – простаивают цеха, рабочие по домам сидят, копейки считают, а вокруг отменная глина – из грязи можно делать деньги.

– Жену вам надо с дорогим приданым, – улещала Акулина Гавриловна. – Дома покой да ласка, притом полный кошель. А уж детишки пойдут... и-и...

Зарубин засмеялся, подперев кулаком висок.

– Эту песню я от тебя, матушка, слышу который год да все без толку. Ведь уже был промеж нас разговор – на одних деньгах не женюсь, за обиду это себе почитаю. Ты бы лучше Алене Дмитриевне доброго мужа нашла, чтобы оберегал и заботился. Порывы душевные умирал.

Я и так сидела как на сосновых иголках, чутко прислушивалась к разговору, а после этих слегка насмешливых слов вовсе разыгралось ретивое.

– А с чего вы решили, что мне нужен муж и по жизни указчик? Я сама могу за себя постоять, а где нужна помощь, у друзей совета спрошу или найму специалистов. Вот вы про завод сейчас рассуждали, так можно неспеша обсудить. Как раз ищю интересное предприятие, куда свободные средства вложить. И прошу заметить!

Я значительно подняла указательный палец вверх.

– Не ради баловства, а для получения прибыли пусть в долгосрочной перспективе. Так что, предоставьте мне, Илья Гордеевич, развернутый бизнес-план, то бишь финансовые выкладки производства и продажи русского фарфора. Изучены ли вами рынки сбыта и спрос в регионе? А, может, намерены в ближайшее зарубежье вывозить посуду и сувениры? Имеются ли в Москве торговые площади или рассматриваете аренду?

Акулина Гавриловна чересчур шумно отхлебнула чай из блюдечка и вдруг поперхнулась. Тогда Зарубин энергично хлопнул ее по спине и, обернувшись ко мне, заметил:

– Чувствуется в вас торговая жилка, Алена Дмитриевна! Я бы не прочь поближе с вашим дедом сойтись. Хваткий, должно быть, купец.

И ни слова про фарфоровый бизнес-план, наверно, не принял мое предложенье всерьез. Ну, еще бы, чего опытному дельцу связываться с одинокой, импульсивной женщиной средних лет, которая на улице заступается за маленьких подмастерьев. Вот с Егором Семеновичем мог бы другой разговор образоваться.

За третьей чашкой чая в комнату к нам ввалились новые гости – Григорий Артамонов и Ольга Карповна, после церемонного приветствия подсади к нашему самовару, начали с Зарубиным вести переговоры по продаже муки и растительного масла. Тут я осторожно спросила, о каком масле речь – горчичном или конопляном.

Стало принципиально интересно, научились ли россияне в середине XIX в. использовать семена подсолнечника для выработки этого продукта. Успокоил меня Зарубин, начал пальцы загибать:

– На моих складах масла пять сортов: подсолнечное, льняное, прованское (оливковое), рапсовое и горчичное, а также толика самого дорогого орехового для гурманов держим.

Оказалось, у Зарубина не только мельницы под рукой, так еще и маслобойный заводик в Воронежской области. А еще лесопилка и мануфактурное предприятие. Как такого человека не уважать? И ведь не сидит в кабинете, сам мотается по округе, носом землю роет, не боится в глине испачкать дорогое пальто, вот уже и фарфоровый завод присмотрел.

Пока я разламывала пирожок с груздями, искренне намереваясь съесть только половинку, хозяин чайной Антон Терентьевич затеял для нас увеселительное мероприятие. Поклонившись, вошли в кабинет два паренька с балалайками и уже знакомый мне Вася с гармошкой. Вот это сюрприз! На всех троих чистые косоворотки с вышивкой и высокие хромовые сапоги, начищенные до тусклого блеска.

При виде песельников Зарубин откинулся на стуле и вальяжно махнул рукой.

– Жги, ребя! Растряси душеньку.

Никогда прежде не доводилось бывать на живых концертах ансамбля народной музыки, а по телевизору и на гаджетах совсем иначе балалайка звучит, в этом я только что убедилась. Когда Вася заиграл, я сразу деда Егора вспомнила, тот мастер был песни петь под гармонь.

– Ах, вы сени, мои сени,

Сени новые мои,

Сени новые, кленовые,

Решетчатые!

У Васи голос молодой, звонкий, сам он раскраснелся, хорошенький, словно с картинки. Не одну меня проняло, сваха наша рюмочку пустую о блюде брякнула, вскочила, давай турнюром вертеть, плечами трясти, каблуками пощелкивать. И вдруг раскатилась орехом:

Пошла плясать

Наша Акулина

Наперед ее фягот,

Сзади мандолина. Ох, тюх! Тюх! Тюх!

Разгорелся мой утюг.

Вот так у нас и до частушек дело дошло. Мужчины хохотали в голос, глядя на выкрутасы гражданки пенсионного возраста. Артамонов даже заметил Зарубину:

– Брат-то наш «Ерофеич» каков, а? И старушку в молодушку превратит.

Степенная Ольга Карповна Ляпунова по обыкновению зевала и снисходительно улыбалась, полные щеки ее лоснились – у самого самовара сидит, дует на горячий чаек в блюдечке, второй кусок курника уплетает. Не до танцев.

– Ну, будя, будя! – приказал Зарубин. – Давай потише, пост все-таки, не надо хозяина обижать, ишь убрался от нас Терентьич, боится греха.

Ребята поняли, прониклись, и тут же затаили унылую песню, про то, как во поле береза стояла и вздумали ее заломать ради гудочков. Я отлично знала слова и начала подпевать без стеснения. Зря, что ли, ходила на курсы вокала в родном городе? И педагог меня всегда хвалил.

Быстро я приладилась к Васиному тенору и закончила куплет по высшему разряду. Зарубин внимательно на меня посмотрел и, придвинувши ко мне стул, тихо сказал:

– Много же вы талантов прячете, Алена Дмитриевна! Не откажите просьбе, спойте свою любимую...

Я в притворном смущении развела руками.

– Песен хороших много, любимых тоже хватает. Чем бы вас порадовать, Илья Гордеич? Хм... что ж, я начну, а ты Вася подхвати мотив.

– Попробую, Алена Дмитриевна! Я все нынешние песни на зубок знаю.

И так глазищами синими полыхнул, что неведомая сила меня подхватила со стула. Вообще, стоя гораздо удобнее петь. Отчего же людей не развлечь, себя не показать?

Я вышла из-за стола и направилась к музыкантам.

«Эх, Васенька, об заклад биться готова, что не знаешь ты этой мелодии... И стихи Михаил Исаковский в 1946 году написал».

– *Словно замерло все до рассвета, дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь – только слышно, на улице где-то одинокая бродит гармонь.*

«А молодец Вася – угадал мотив, и балалаечники подтянулись!»

Кажется, ни на кого не смотрела, так проще поется, однако успела заметить, что Зарубин позу переменил, уже не расслабленно на стуле сидел, а навалился на стол, подавшись вперед, не сводил с меня горячего взгляда да пощипывал усы.

А мне-то что? На последних словах я театрально прислонилась к Васиному плечу и погладила ремень его гармони, вроде бы так сценарий песни велит.

*– Может, радость твоя недалеко,
Но не знает, ее ли ты ждешь,
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даешь?!*

Закончив выступление, я раскланялась с улыбкой по русскому обычаю и спокойненько пошла на свое место.

«Вот теперь можно с чистой совестью и пирожок доест. Заслужила!»

После короткой паузы – какой меня ждал фурор! Артамонов что-то благодушно гудел в бороду, Акулина Гавриловна кудахтала и все норовила в ухо поцеловать масляными губами.

– Соловушка наша, вот так уважила! Хитра, хитра...

Даже вечно сонная Ляпунова жмурила покрасневшие глаза и прикладывала к ним край вышитого платочка, неужели прослезилась? Хозяин заведения Антон Тереньич приложил руку к груди.

– Благодарствуйте, барыня!

Зарубин подозрительно молчал, приподняв уголки губ в задумчивой улыбке. Дальше еще чуднее пошло. Вася опустил гармонь на стул, достал из-за пояса глиняную свистульку в виде

оленья. Я заинтересовалась. Помню, дед подарил бабе Шуре целый набор расписных коньков, долго стояли на вязаной салфеточке в шкафу.

– Вася, покажи! Это не филимоновская работа случайно?

– Нашенского мастера из Заболотья. У нас много умелых гончаров.

Свистулька упала мне в руки, но едва принялась рассматривать, Зарубин у меня ее перехватил.

– Простите, Алена Дмитриевна! Сейчас верну.

И сам к Васе обратился:

– Где твоя деревня стоит? Часом не близ Речиц, где фарфоровый завод Сыромятникова продается?

– Речицы от нас в тридцати верстах будут. Мужики прежде на торфоразработках промышляли, топливо заводу давали.

– Вот оно как! – буркнул Зарубин. – И торф есть и шпат полевой, кварц, и ценная голубая глина в достатке, а мощность простаивает. Мне бы еще полсотни тысконок для покупки прессы и станков точильных, уж я бы развернулся.

– Разве банк не дает кредит? – тихо спросила я.

– Проценты тяжеловаты, – вздохнул Зарубин, – да я, может, к лету решусь.

И возвращая свистульку, нарочно положил свою теплую большую ладонь поверх моей. И как бы между прочем сказал негромко:

– А что, Алена Дмитриевна, если вы так любопытны к торговым делам, не желаете со мной до Нижегородской ярмарки прокатиться?

Я раздумывала пару секунд, потом твердо ответила:

– Предложение заманчивое, но вынуждена отказаться. Из поездок принято домой возвращаться, а у меня пока своего угла нет. Только намерение недвижимость в Москве приобрести, чем и планирую заняться в ближайшее время. Так что заранее приглашаю на новоселье, Илья Гордеевич.

– Непременно буду!

И пальчики мои крепче пожал, а вторую руку положил на спинку моего стула. Только мне не понравился этот жест собственника, пришлось взбрыкнуть и стул резко подвинуть в сторону. Аж ножки заскрипели по дощатому полу.

– Что-то жарко стало! Спасибо за угощение, Антон Терентьич, – царские у вас пироги. Не пора ли нам выезжать, Ольга Карповна?

«Ты уже носом клюешь, голубушка!»

Ляпунова призыву моему тотчас вняла, принялась с родственником прощаться да что-то наказывать второпях Акулине Гавриловне. Я к Васе подошла – свистульку отдать, так он не взял.

– Подарок вам, Алена Дмитриевна! У меня еще есть.

И вслед за товарищами скрылся в дверях, а я замялась у вешалки. Зарубин подкрался неслышно, помог мне надеть пальто и, запахивая его края, почти обхватил ручищами. Не успела возмутиться, как горячо шепнул в самое ухо:

– Приглянулся тебе Васька из Заболотья?

– А вам-то что!

– Хочешь, увезу в местечко, где ребята почище его на гармони играют, а уж песни поют – до печенок пробирает... Прямо сейчас увезу! Ну? Решай, лапушка!

– В другой раз, Илья Гордеевич, – жалобно пропищала я, потрясенная таким фамильярным обращением и предложением.

– Али ты меня боишься, Алена... Дмитриевна?

И усами дерзко щеку пощекотал.

Я с трудом перевела дух и как могла внятно ответила:

– Вы немного пьяны, Илья Гордеевич, я бы не против с вами побеседовать на трезвую голову. А сейчас мне пора ехать...

– О том и речь! Звери мои у крыльца копытами землю топчут. Твое слово, светик!

Вот разошелся! И смех и грех. Честно скажу, колебалась не на шутку. Распалил, раззадорил разбойник этакий, да еще ямочка на подбородке тревожит...

Но тут вмешалось мое фамильное третьяковское упрямство и бунтарский дух.

– Усы у вас больно колючи, Илья Гордеевич! А у меня кожа нежная.

Я чудом умудрилась развернуться в его руках, вытянулась в струнку и, пламенея всем телом, задела губами заветную ямочку, потом ниже подбородка в шею чмокнула, уже не глядя, и со всей силы рванулась прочь.

Не помню, как выбежала на улицу, запрыгнула в коляску Ляпуновой, ни жива не мертва, забилась в уголок. Сердце прыгало, как у зайчишки, который едва от охоты убрался.

– Что вы так дрожите, Алена Дмитриевна? – вяло поинтересовалась Ляпунова. – Меня после чая завсегда в жар бросает.

– Так вы пять чашек выдузили, почтенная Ольга Карповна, а я всего две... или три...

– Вы разве за мной считали, Алена Дмитриевна? – насупилась она.

– Да шучу, я шучу! Вот мне кулечик с изюмом Антон Терентич на прощанье сунул, не желаете угоститься? И давайте уже без церемоний.

– Желаю. Давайте.

Ссориться с Ляпуновой из-за чайной арифметики мне было не с руки. Я сунула в рот крупную, прозрачную, словно из янтаря, изюмину и, прижав ее языком, погрузилась в сладкую негу, прикрыла веки.

Пока повозка наша тряслась по ухабам впотьмах, Зарубин виделся мне то в образе сильномогучего богатыря Ильи Муромца на крепком мохноногом коне, а то плечистым молодцем с серьгой в ухе, как вольный казак Степан Разин. Знать бы, какое сам обо мне представление составил.

Добравшись до знакомого тупичка в Голутвинском переулке, мы с Ляпуновой подобрали подолы и бегом по доскам в дом. Шутка ли, пять стаканов чаю выдуть! Ну, я-то всего два или три, поэтому путь в клозет хозяйке уступила.

Потом наскоро умылась и упала спать в мягкую перину. На сей раз кентавры во сне моем носили серое двубортное пальто и белые суконные картузы. Разбирались в сортах муки-крупчатки и маслобойку изобретали. Предлагали на крутой спине покатать, но я трусила и немножко смущалась.

А проснулась я от бурного сотрясения перины. В ногах у меня сидела Акулина Гавриловна с расписным деревянным коробом в маленьких, крепких руках.

– Время ли спать, матушка! Такие дела творятся...

– А? Что случилось? Пожар? Наводнение? – спросонья лепетала я, напрасно стараясь вынырнуть из пухового одеяла.

– Заглотил-таки наживочку наш налим! – с восторгом сообщила сваха.

– Кто-о?

– Ключнул Илюшенька! – подмигнула Акулина Гавриловна. – Как ты давеча от него сбежала, так меня в кабинет силком затащил и давай вопрошать, откуда ты есть да какого чина... А глазищами так и пышет, так и пышет. Ох, страсть!

– Ф-фух... Во дает.

– Ты однако ж даешь, матушка, – она снова с энтузиазмом тряхнула кровать – И учить не надо, сама знаешь, чем мужчину привадить. А уж как пела, как ручками взмахивала и очами водила – ну, гроза!

– Да я что? Я ничего.

– Подарок тебе велел передать. Самолучшего китайского чая и конфет. Да чайная пара англицкого тонкого фарфору. «Чтоб помнила Зарубина» – говорит. «А вернусь с ярмарки – в гости приду, вместе чайку выпьем». Ясен намек? Коли поладите, там меня, грешную, не забудь, – тараторила довольная сваха.

– Да погодите вы! – завопила я. – К чему такая спешка, я бы еще поспала.

– Можно ли спать, если кавалеры уже час дожидаются, – упрекнула Акулина Гавриловна.

– Какие кавалеры? – всерьез испугалась я, размышляя, не нырнуть ли обратно в перину. – Никаких кавалеров не заказывала.

– Перекатов явился чуть свет, домогается твоей душеньки, а с ним еще какой-то длинный, сутулый охальник. Тросточкой своей мне юбку чуть не поднял и в смех.

– Э-эм, Самарский, наверно? – припомнила я. – И чего им надо?

– И то верно, Самарским назвался. А тебя зовут квартиры смотреть за рекой.

– Ой, точно! Я же просила Сергея Петровича поискать мне дом... Но зачем он Самарского приволок? Акулина Гавриловна, позови Анисью, чтобы одеться мне помогла, а гостям передай, что скоро выйду.

– Значит, задумала съехать от нас, голуба? – печально вздохнула сваха.

– Это еще вилкой по киселю писано, – усмехнулась я, подтягивая на плечо сползающую сорочку. – Однако готова к любым приключениям и приятным сюрпризам.

Глава 11. Поиски дома

Ольга Карповна еще нежилась в постели, а потому я не стала затруднять Анисью завтраком и предложила кавалерам немедленно отправиться на осмотр объектов московской недвижимости.

– Перекусим где-нибудь по пути!

Лаял пес на цепи, петухи во всю ивановскую драли горло, когда мы выехали со двора Ляпуновой на поиски приключений. Легкий рессорный тарантасик Самарский раздобыл. Перед въездом на мост в колесе что-то хрустнуло, и Самарский вместе с кучером соскочил посмотреть.

– Зачем вы его пригласили? – шепотом спросила я у Перекатова.

– Узнал, что подыскиваю для вас квартиру, вцепился просто как репей. Самый натуральный репей! – возмущенно оправдывался Сергей Петрович.

– Но речь ведь о доме шла, а вовсе не о квартире...

– Полагаю, вы все варианты желаете посмотреть, – мягко улыбнулся он.

– Истинный риэлтор! – вздохнула я. – И все же мечтаю о своем домике, ну, примерно, как у госпожи Ляпуновой, только поближе к центру и чтобы гостиная больше, а сараи во дворе вовсе не обязательны.

– Право, такое затруднение – выбор! – лукаво протянул Перекатов. – «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...» В Малом театре завтра Гоголя ставят, позвольте пригласить вас, Алена Дмитриевна?

– Искуситель! Это вы намекаете, что мне опять в гостинице ночевать?

Вместо ответа Сергей Петрович припал к моей руке дружеским поцелуем, но я только посмеивалась, вспоминая медвежьи объятия Зарубина возле вешалки в чайной.

Вернувшийся в коляску Самарский окинул нас ревнивым взглядом и бросил мне на колени колючую веточку с крохотными розовыми бутонами. Неужели таким манером надеется расположение заслужить? А все же давно мне цветов не дарили. Приятно...

– Спасибо, Алексей Павлович!

Теперь уже Перекатов кряхтел от досады, что сам не догадался услужить. Зато Самарский приосанился и сделал глазки. Я же как роза цвела, купаясь в мужском внимании. А потом пошли недоразумения.

Первым делом осмотрели мы помещение на Цветном бульваре в четырехэтажном красивом доме со швейцаром при входе, но мне показалась странной цена, всего пятьсот рублей. Выяснилось, что предлагается годовая аренда, а купить квартиру в Москве нет возможности. Все владельцы больших домов сдают комнаты и квартиры внаем.

Я поблагодарила спутников за увлекательную экскурсию и уточнила запрос. Дальше мы проехали по Тверской, завернули в Камергерский переулок, оценили владения сенаторов и генералов, немного устали и решили навеститься в приличное заведение пообедать, раз завтрак сегодня не задался.

Перекатов звал снова к Тестову или в «Эрмитаж», открытый французом Оливье, Самарский же нахваливал Большой Московский трактир Гурина.

«Ах, каких там поросят подают... Последние месяцы жизни их нарочно жирными сливочками кормят».

Так я остановилась на трактире Гурина, где еще не бывала. Заведение устроено с размахом. Под высокими потолками блестели роскошные люстры.

Чернобровые молодцы – половые словно летали над полом в белоснежных рубахах. Один умудрился в каждой руке на двух пальцах нести по увесистому на вид чайнику.

Близ камина, сдвинув столы, что-то бурно обсуждали господа с растрепанными шевелюрами в расстегнутых пиджаках. Пол был усыпан исписанными листами бумаги в чернильных кляксах.

– Издатели куролесят! – небрежно заметил Самарский. – Это Петухов. Бульварная пресса. Опять будут смаковать, как ротмистр Козлович был замечен у черного входа вдовы советника Гребеньковой или как на Хитровке избили и ограбили богатого иностранца. А что он в Хитровке забыл, спрашивается? Ндравы русские изучал... Так получи по щам и сусалам.

– Фи, Алексей! – поморщился Перекатов. – Откуда ты берешь эти грубые выражения?

– Вы разве против народной речи, Алена Дмитриевна? – обратился ко мне Самарский за поддержкой.

– Ни в коем разе! Однако во всем надо меру знать, – уклончиво отвечала я.

– Золотые слова, – ободрился Самарский. – Позвольте ручку...

– С вашими церемониями оставите даму голодной! Лучше посоветуйте лучшие блюда в меню.

Мужчины переглянулись и жадно принялись обсуждать кушанья.

После шумных переговоров мы заказали стерляжью уху и молодого можайского поросенка под сметаной и хреном, а также белого рябчика в соусе с овощами. Причем к каждому блюду Самарский с видом знатока подбирал особую закуску и хмуро наставлял полового:

– Принеси-ка нам, любезный, паштету из гусиной печени да заливное говяжье...

– Студень «Саратовский» смею рекомендовать-с... – не отставал половой.

– Горчицу к нему не забудь и зелень!

– Как можно-с? Помилуйте!

– Да рыбки соленой подай и буженины порежь...

Самарский вопросительно косился на меня, словно спрашивая дозволения расширить список. Я с важным видом изучала колечко на пальце и нехотя добавила известную фразу из советской комедии:

– «Почки заячьи верчѣные, головы щучьи с чесноком, икра чѣрная, красная, и заморская – м-м-м... баклажанная...» Да чего скромничать, один раз живем – тащите все!

Половой растерянно глянул на меня, потом виновато пожал плечами:

– Простите покорно, барыня! Таких блюд не держим-с. Почки только телячьи имеются, а щука в печи ныне целиком томится. Прикажете подать?

– На сегодня, пожалуй, довольно. Шучу, граждане-господа! Что пить будем?

Мужчины предложили оценить известную у Гурина водочку на смородиновом листе, также я выбрала грушевый компот и медовуху. Каждое блюдо и напиток я планировала только попробовать, разумеется, но это как уж получится. Не зарекаюсь.

Между тем в зале прибавилось народу. Грузно ступая, вошел дородный мужчина в огромной шубе, за ним парочка чиновников, судя по мундирам, следом тонкий чисто выбритый господин с моноклем на цепочке. Пока мы ждали поросенка и закусывали винегретом, Самарский вертелся ужом, разглядывая публику и вдруг сорвался с места к издательскому кружку.

«Наверно, знакомого встретил, еще одного должника».

Но вернулся к нам с хорошими новостями, о коих начал взахлеб докладывать:

– Кажется, смогу вам угодить, Алена Дмитриевна. В Дурновском переулке возле Спаса дом продают. Старая владелица на Крещение скончалась в деревне, молодой наследник за границу спешит, лечиться на водах. Только дорого просит, черт! Восемьдесят тысяч серебром. Это ж какие деньжищи!

– Едемте смотреть, – загорелась я. – Только меня название смущает – Дурновский переулок. Нет ли рядом скотобойни или какого-то вредного производства?

– Совершенно зря пугаетесь, Алена Дмитриевна, – сообщил Перекатов. – Улочка названа по имени владельца одного из первых больших домов, а еще известна, как Малый Арбатец. Старая улочка, историческая, можно сказать.

Закончив с обедом, Самарский попросил знакомого журналиста проводить нас к дому. Первое, на что обратила внимание – покосившаяся ограда в пятнах лишайника и ветхие ворота, железные вершины столбов покраснели от ржавчины.

Возможно, дом был также запущен, но место мне понравилось, усадьба располагалась на возвышенности, имела небольшой сад, как я и мечтала. Сквозь щели в заборе на улицу торчали ветки сирени и яблони. Красиво здесь будет в мае, когда деревца зацветут.

В ответ на наш стук в ограде стояла прежняя тишина, не слышно собак, никто не спешил отворять. Спутники мои начали спорить и ссориться. Сказался дерзкий нрав Самарского, который уже хотел перелезть через забор и хорошенько тряхнуть обслугу. От Перекатова же в данном мероприятии требовалось только подставить спину, но тот категорически отказывался.

Глядя на их возмущенные физиономии, журналист-проводящий хитро улыбнулся и принялся что-то черкать в блокноте карандашом.

– Ты не фельетон ли вздумал на нас писать? – вспыхнул Самарский. – Приличных людей на всю Москву намерен ославить? Ну, я тебе покажу!

И засучил рукава, потрясая в воздухе кулаками. Я пыталась успокоить мужчин, но мне велели оставаться в стороне и ждать благополучного исхода. Вместо этого я тихонько пошла вдоль забора, завернула за угол, а там скоро обнаружила шаткую доску, сдвинула ее вбок и протиснулась внутрь.

Хотелось доказать спорщикам, что способна сама решить вопрос. И чуть было не пожалела о содеянном, потому что пришлось продирается через кусты в поисках мощеной дорожки к дому. К счастью под яблонями обнаружилась старая скамейка, я села на нее и принялась щепочкой счищать с сапожек налипшую глину.

Вдруг рядом послышалось сердитое сопение. Я вскинула голову и увидела высокого, прямого как палка старика с пышными, седыми бакенбардами и белой, раздвоенной треугольниками бородой.

Заложив руки за спину, он сурово спросил:

– Вы как сюда попали? Кто пустил?

– Я пришла посмотреть дом.

– А что на него смотреть, здесь не музейон. Извольте сей же момент покинуть господские владения.

– Вы хозяин? – уточнила я.

– Хозяева нынче в отъезде, – прорычал старик, делая шаг в мою сторону.

Я медленно поднялась со скамьи, поправила длинный подол платья и вежливо спросила:

– Дом выставлен на продажу? Я бы хотела его осмотреть и принять решение о покупке.

– Не морочьте мне голову, сударыня, – гневно перебил старик. – Где это видано, чтобы солидные персоны как воры пробирались в ограду и скрывались в кустах.

– А как быть, если ворота не открывают? – в ответ напустилась я. – Друзья мои уже полчаса топчутся за оградой. Вообще-то время обеденное, хватит спать. Или чем вы там занимаетесь в отсутствии хозяина?

– Во-он! – завопил старик, вытянув сухой указательный палец в неизвестном мне направлении.

– Ну, хотя бы проводите к воротам! Там как раз дожидаются солидные персоны: князь Сергей Петрович Перекатов из Горностаевки, известный оперный перец Алексей Самарский и один ловкий журналист, который может все ваши действия в местной газете прописать. И даже вставить карикатуру.

В ответ на мои слова старик выпучил глаза и затряс головой. Я, наконец, разглядела сбоку подобие дорожки и уже хотела сбежать, как из-за кустов сирени, сильно хромая и опираясь на метлу, вышел еще один мужчина преклонного возраста.

Хриловатым голосом обратился к моему гонителю:

– Никифор Демьяныч, а что за шум у ворот? Никак до нас гости. Надо бы узнать.

– Не лезь, куда не просят, Архип. У меня распоряжение самого Андрея Денисыча – пускать в дом только по записи и господ культурных, – гаркнул старик, опуская руки по швам.

Я не выдержала и рассмеялась.

– Как тут запишешься, если не достучаться. Позвольте представиться – Алена Дмитриевна Третьякова. Планирую обзавестись в Москве домиком, подыскиваю варианты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.